Алексей ШИШОВ

БЕЛЫЕ КОМАНДИРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Алексей Шишов

Белые командиры Гражданской войны

«ВЕЧЕ»
2016

Шишов А. В.

Белые командиры Гражданской войны / А. В. Шишов — «ВЕЧЕ», 2016

ISBN 978-5-44-448798-3

Эта книга посвящается полководцам Белого дела и их союзникам. О них написано намного меньше, чем об их противниках-победителях. Хорошо известные в белой эмиграции, они в покинутом ими так или иначе Отечестве рисовались обычно в черных, реже в серых красках. Или просто замалчивались, а ведь их жизни были удивительными примерами любви к России. Автор рассказывает о судьбах 25 белых военачальников, среди них генералы М.В. Алексеев, П.Н. Врангель, А.И. Деникин, А.В. Колчак, Л.Г. Корнилов и др.

ISBN 978-5-44-448798-3

© Шишов А. В., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

От автора	6
Алексеев Михаил Васильевич	9
Анненков Борис Владимирович	22
Богаевский Африкан Петрович	32
Врангель Петр Николаевич	41
Гайда Радола (Гейдель Рудольф)	55
Деникин Антон Иванович	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

А. В. Шишов
Белые командиры гражданской войны

* * *

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей. Издается в авторской редакции.

© Шишов А.В., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

От автора

История Гражданской войны в России стала бескомпромиссным столкновением тех, кто с оружием в руках устанавливал советскую власть, и тех, кто пытался отстоять старую Российскую державу. Красные со своими союзниками сражались против белых, которые тоже имели союзников. И те, и другие несли собственную «правду» борьбы, омывая ее в изобилии своей кровью, отдавая собственные жизни на алтарь Отечества завтрашнего дня. «Правда» одних для других была «неправдой».

Эти два «цвета» человеческого самосознания – красный и белый – стали водоразделом в нашем Отечестве тогда, когда оно еще не вышло из тяжелейшей мировой войны, подорвавшей государственные устои 300-летней империи Романовых и ставшей ее голгофой. Военная сила красных и белых зародилась в развалинах петровской Русской императорской армии, которая в начале 1918 года канула в вечность не по доброй воле.

Гражданская война в любой стране и в любую эпоху всегда была, есть и будет национальной трагедией. Примеры нашего времени – Донбасс и Сирия, Ирак и Сомали… Дело даже не в массовой гибели людей, большинство которых не носило военную форму одежды, не ходило в яростные атаки и не сидело в опостылевших окопах. Раны войны с годами залечиваются, вот только историческая память народов и государств постоянно «кровоточит», когда речь заходит о Гражданской войне. Иначе быть не может.

История все еще рассуждает, кто и в чем был прав или виноват. Это бесконечный процесс, на который больше всего влияет самосознание новых поколений, которые хотят понять прошлое собственным разумом. Думается, что такой подход к собственной истории правилен и неизбежен: идет «новое прочтение биографии», в данном случае России. Запрету, как это уже не раз случалось, такое в здравом смысле не подлежит, поскольку «запретный плод всегда сладок», а разобраться в прошлом нам хочется и надо.

Понимание Гражданской войны дается трудно и исследователям, и писателям, и тем, кто любит историю. Равно трудно дается и осознание подлинности того, что было в прошлом в действительности, без расстановки политических акцентов, которые нивелируют все и вся, в том числе и личности участников давно минувших событий.

Когда говорят, что наконец-то в истории где-то поставлена жирная точка, то это самообман. История больше напоминает граненый драгоценный камень, в котором каждая грань не схожа с соседними гранями. И более того, все эти грани, пусть даже исполненные руками самого гениального мастера-ювелира, при преломлении света, не говоря уже о его цвете, играют собственной расцветкой. А она может нам нравиться, может и не нравиться, но без равнодушия к ней.

Познание правды истории, чаще горькой, чем сладкой, важно по одной весомой причине. Общеизвестна простая истина: сразу после гражданской войны судят побежденных, победителей не судят, поскольку они стали судьями. Так было в Древнем Риме, средневековых Англии и Германии, революционной Франции и Соединенных Штатах, Венгрии и Испании…

Так было и в России, Гражданская война в которой «пыхнула» в Октябре 17-го года и формально закончилась в 1922 году, когда с острова Русский под Владивостоком ушел последний корабль с вынужденными изгнанниками, получившими в истории статус белоэмигрантов. Но отголоски Гражданской войны еще долго звучали в нашем Отечестве крестьянскими восстаниями в Сибири и на Тамбовщине, на Кубани и в горах Кавказа, басмачеством в Средней Азии, репрессиями 30-х годов и в памятном 1941-м, когда началась Великая Отечественная война.

Со временем в истории Гражданской войны в России понимается многое. Открывается, порой случайно и нелогично, по крохам, тайное, и оттого меняется, казалось бы, явное. Любые архивы, государственные и частные, могут запросто превратиться в «бомбы», которые в состоянии изменить лицо уже устоявшегося представления о событиях давно минувших дней или личности человека. Сказывают свое веское слово мемуары, которым ранее не было места на наших книжных полках, и иметь их означало опасность. То есть правда истории рано или, чаще, поздно открывает себя во всей своей красоте и непривлекательности.

Гражданская война родила на свет божий целое созвездие военных вождей, об исторической значимости и порой легендарности которых в той борьбе спорить не приходится. Да и к тому же они разночтимы. Одни исписаны, другие оказались в их тени. В это созвездие входят вожди сил красных и сил белых, и их союзники. Судьба тех и других большей частью трагична. Среди вождей красных, выживших в пламени Гражданской войны, многие ушли из жизни в годы так называемых «сталинских» репрессий. Среди вождей белых, не павших в той войне, тоже есть «не санитарные» потери.

Каждый такой вождь есть признанный при жизни или позже герой Красного дела или Белого дела. Все они творили историю в огне Гражданской войны – Буденный и Корнилов, Тухачевский и Деникин, Егоров и Каледин, Блюхер и Кутепов, Троцкий и Каппель, Каменев и Дроздовский, Махно и Юденич, Фрунзе и Дутов, Сорокин и Шкуро, Шорин и Молчанов, Дыбенко и Колчак, Чапаев и Семенов…

Каждый из них не был рожден военным вождем, которым он мог стать только на кровавом изломе исторической судьбы старой России. Благодаря этому на их долю выпала разночтимая прижизненная слава и последующая известность. То есть именно Гражданская война могла обессмертить их имена, сделать притягательными для осмысления непростых, часто трагических судеб этих людей. Но после нее долгое время писалось об одних и забывалось о других.

Данная книга о Гражданской войне в России посвящается «Белой половине» военных вождей – полководцам Белого дела и их союзникам. О них написано, по известным причинам, намного меньше, чем об их противниках-победителях. Хорошо известные в белой эмиграции, они в покинутом ими так или иначе Отечестве рисовались обычно в черных, реже в серых красках. Или просто замалчивались. Но сегодня побежденные и победители могут соперничать между собой в истории и победами, и честью, и интересом к их судьбам. Они все разные, будучи едины в одном – в непримиримой борьбе за светлое будущее России, которое каждый видел по-своему.

Считается, что Гражданская война – это, прежде всего, столкновение классов, сословий, правителей и угнетенных. Тогда, спрашивается, почему сын николаевского солдата из крепостных М. В. Алексеев и сын простого сибирского казака и казашки из кочевого рода Л. Г. Корнилов подняли знамя Белого движения за старую Россию, не будучи ни помещиками, ни буржуа? И как эти два незаурядных человека с самой простой родословной стали в царской России генералами от инфантерии и верховными главнокомандующими России в мировой войне?

Или другой пример: как офицер-окопник капитан В. М. Молчанов, командир инженерной (саперной) роты, стал командующим белоповстанческой армией? И почему после Гражданской войны в России жизнь «за бугром» в ранге белоэмигрантов «развела» таких военных вождей, как хорошо известные на литературном поприще мемуарист А. И. Деникин и писатель П. Н. Краснов? Наконец, почему прах белых генералов, того же Деникина и В. О. Каппеля, с почестями вернулся спустя многие десятки лет в Отечество, чтобы обрести вечный покой на кладбище московского Донского монастыря?

Все они вышеназванные, а также Анненков и Богаевский, Врангель и Мамантов, Марков и Миллер, Романовский и Слащёв-Крымский историей причислены к лику полководцев

Белого дела. На том же уровне причастны к Гражданской войне в России их естественные союзники в лице Гайды, Маннергейма и Пилсудского. У каждого из них в той войне есть собственная «ниша», потому они и остались в отечественной истории на века вечные, пока интерес к ней не иссякнет. Но в такое приходится верить или не верить, как «время на душу положит».

История безликой и «заказной» долгое время быть не может. Она живет в образах и делах тех людей, которые ее творили с разной долей успеха и сбывшихся надежд. История, как ее ни крути и ни испепеляй, всегда судьбоносна, всегда живет для нас в конкретных личностях. А уж нынешнему поколению читателей, любителей летописания Отечества судить об их значимости и привлекательности. Им рядить, кто из них, полководцев Белого дела, был прав в своей борьбе, а кто неправ.

Алексей Шишов,

военный историк и писатель, лауреат Международной литературной премии по истории имени Валентина Пикуля и Всероссийской историко-литературной премии имени Александра Невского

Алексеев Михаил Васильевич
Сын солдата-сверхсрочника, ставшего у истоков Гражданской войны

Будущий Верховный главнокомандующий России в Первой мировой войне генерал от инфантерии М. В. Алексеев родился в 1857 году в Тверской губернии в семье николаевского солдата сверхсрочной службы, впоследствии дослужившегося до чина майора. Его отец, участник героической обороны Севастополя в Крымской войне, благодаря своим незаурядным способностям выслужился из фельдфебелей в офицеры.

Сама судьба уготовила Михаилу Алексееву путь на военное поприще. Не закончив полного курса обучения в классической гимназии, в 1873 году в 16 лет он поступает вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк. Положение вольноопределяющегося позволило ему поступить в Московское пехотное юнкерское училище, которое закончил в 1876 году. 19-летний прапорщик выпустился в 64-й пехотный Казанский полк.

Боевое крещение получил в составе этого полка в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов за освобождение православной, славянской Болгарии от векового османского ига. С казанцами в составе отряда «белого генерала» Н. Д. Скобелева участвовал в боях под Плевной. Некоторое время состоял при нем ординарцем. Под турецкой Плевенской крепостью был ранен, но остался в армейском строю.

За боевые отличия обер-офицер М. В. Алексеев награждается тремя боевыми орденами, в том числе Святым Станиславом и Святой Анной, за храбрость. Его послужной список военного времени стал лучшей рекомендацией в ходе дальнейшего прохождения службы.

В 1890 году Алексеев успешно оканчивает Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, получив Милютинскую премию. Был назначен на недолгое время старшим адъютантом в штаб 1-го армейского корпуса, располагавшегося в столичном Санкт-Петербурге. Затем с 1894 по 1900 год следует служба в Главном штабе делопроизводителем в канцелярии его Военно-ученого комитета, занимавшегося составлением планов войны и стратегического развертывания.

Работа полковника М. В. Алексеева в Главном штабе с 1898 года сочетается с плодотворной деятельностью экстраординарного профессора в Академии Генерального штаба на кафедре истории русского военного искусства. С 1900 по 1903 год Алексеев – начальник Оперативного отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба и в то же время ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба.

В 1904 году удостаивается звания заслуженного профессора и 28 мая за отличия по службе производится в генерал-майоры. Становится начальником отдела Главного штаба.

С началом Русско-японской войны 1904–1905 годов профессор Академии Генерального штаба М. В. Алексеев (в октябре) назначается генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии. Участвовал в Мукденском сражении, разработал ряд операций против японцев. На полях Маньчжурии приобрел большой опыт вождения войск, организации совместных действий пехоты, кавалерии и артиллерии, ведения армейской разведки.

За боевые отличия в Японской войне награждается почетным золотым оружием и двумя боевыми орденами. Тактическое мышление Михаила Васильевича Алексеева заслуживало самой высокой похвалы. Имел он и задатки стратега. Иначе говоря, он имел хорошие перспективы на военном поприще.

После расформирования 3-й Маньчжурской армии, с 1905 по 1908 год следует служба в должности обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Возглавлял

разработки планов будущей европейской войны, которой суждено было стать войной мировой и голгофой Российской империи.

В 1908 году он назначается начальником штаба Киевского военного округа с производством 30 октября в генерал-лейтенанты. С 1912 года – командир 13-го армейского корпуса. Продолжал активно работать над составлением планов войны: в скором военном конфликте на европейском континенте сомневаться уже не приходилось, хотя политики на словах «оружием никому не грозили».

К началу мировой войны М. В. Алексеев прошел хорошую школу командования войсками на самых высоких должностях в мирное время, не считая участия в двух больших войнах, против Турции и Японии. Служба в Главном управлении Генерального штаба выявила в нем склонность к оперативной, штабной работе. Уже тогда он демонстрировал стратегическое мышление, став авторитетным человеком в среде русского генералитета.

В годы Первой мировой войны Михаил Васильевич Алексеев сформировался как полководец-стратег. В августе 1914 года командир армейского корпуса назначается начальником штаба армий Юго-Западного фронта, в сентябре того же года сын николаевского солдата-сверхсрочника производится в полные генералы, то есть в генералы от инфантерии.

На этой штабной должности проявил большие способности в разработке фронтовых наступательных операций. Уже в первые месяцы войны армии Австро-Венгрии, главного союзника Германии, потерпели тяжелые поражения в масштабной Галицийской битве. Начальник фронтового штаба имел к ним самое прямое отношение.

Бывший генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Ю. Н. Данилов в своих мемуарах писал, что «руководящая роль в исполнении операции на Юго-Западном фронте принадлежала начальнику штаба этого фронта, генералу Алексееву».

В сентябре 1914 года за боевые заслуги М. В. Алексеев высочайшим приказом награждается орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Награждение состоялось 24-го числа, после взятия русскими войсками города Львова, столицы австрийской Галиции. Так Михаил Васильевич стал георгиевским кавалером. Думается, что это было его мечтой, как военного человека.

В марте 1915 года, в связи с ожидавшимся германским наступлением, генерал от инфантерии М. В. Алексеев становится главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. После разделения этого фронта в августе того же года на два – Северный и Западный, Алексеев возглавил Западный фронт.

После поражения русских войск в Галиции руководил чрезвычайно трудным отходом армий Западного фронта через Польшу и Литву под напором противника. При этом войска фронта испытывали сильный недостаток артиллерийских снарядов – во время так называемого «снарядного голода». Стал одним из главных действующих начальствующих лиц в проведении «спрямления» Восточного фронта, в ходе которого Германии и Австро-Венгрии так и не удалось извлечь все стратегические выгоды «польского мешка» для русских войск.

В кампании 1915 года Берлин главный удар по Антанте спланировал на Восточном (Русском) фронте. Именно Алексеев благодаря своему стратегическому мышлению не позволил завершиться ни одному запланированному кайзеровскими стратегами Людендорфом и Гинденбургом окружению. Ни одна русская армия, ни одна дивизия не попали летом 1915 года во вражеский плен.

На посту главнокомандующего армиями Западного фронта М. В. Алексеев разработал и провел ряд успешных операций против германских и австро-венгерских войск. В июле – августе 1915 года русские армии в ходе Праснышских операций сорвали настойчивые попытки германских войск окружить и уничтожить русские армии в Польше. Но по стратегическим соображениям им пришлось оттуда уйти: речь шла о спрямлении линии фронта.

В августе 1915 года генерал от инфантерии, генерал-адъютант М. В. Алексеев высочайшим указом назначается начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего России, размещавшейся в городе Могилеве. С поста главковерха смещается великий князь Николай Николаевич-младший, действиями которого самодержец был все больше и больше недоволен. Его обязанности император Николай II возложил на себя. Так в истории России появился на самом высоком посту в ходе мировой войны венценосец полковник гвардии Николай Романов. Это был воинский чин государя. До этого он числился в лейб-гвардии Преображенском полку.

К чести всероссийского императора Николая II, он редко вмешивался категорическим образом в ход событий на Русском фронте. Фактически верховное командование сосредоточилось в руках Михаила Васильевича Алексеева, который по долгу службы и положения стал главным стратегом России. Это сразу почувствовали на себе союзники по Антанте: Алексеев был крайне несговорчив и при планировании военных кампаний исходил прежде всего из интересов своего Отечества и русской армии.

В конце 1915 года под руководством начальника штаба Ставки генерала от инфантерии М. В. Алексеева был разработан стратегический план действий русской армии совместно с армиями союзников против стран Центрального блока. Начавшееся в марте 1916 года наступление армий Северного фронта не дало ожидаемых результатов, но боевые действия в районе города Двинска и озера Нарочь оказали громадное влияние на ход войны во Франции. Германия была вынуждена перебросить крупные силы из-под Вердена на Восточный фронт, и французская армия в очередной раз получила спасительную помощь от России.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего разработал план наступления Юго-Западного и Северного фронтов в военной кампании 1917 года, однако осуществить его не удалось. В ходе Февральской революции император Николай II был низложен. Одним из инициаторов и организаторов низложения царствующего Романова был начальник штаба его могилевской Ставки, все чаще задумывавшегося о том, что Российской державе грозят серьезные внутриполитические потрясения.

К власти в воюющем государстве, раздираемом внутренними противоречиями, пришло Временное правительство. 1 апреля 1917 года генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев назначается Верховным главнокомандующим России, что свидетельствовало о его известности и авторитетности.

Став во главе вооруженных сил уже бывшей старой России, М. В. Алексеев сразу же выступил за разумные активные боевые действия против Германии и Австро-Венгрии. Он был против неоправданных потерь на фронтах. Это вызвало недовольство новой «временной» власти, и прежде всего Советов рабочих и солдатских депутатов.

Уже в мае того же 17-го года генерал от инфантерии М. В. Алексеев смещается со своего поста. Новым главой могилевской Ставки Временным правительством был назначен генерал от кавалерии А. А. Брусилов, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, самый прославленный полководец России в Первой мировой войне.

Вскоре он возвращается в Ставку, но на самый короткий срок. После ареста генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова и его явных сторонников Алексеев, вступивший в должность начальника штаба могилевской Ставки, доложил по телефону в Петроград Керенскому об успешном завершении своей «карательной» миссии:

«…Войска, находящиеся в Могилеве, верны Временному правительству и подчиняются безусловно главковерху…

Генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полковник Плющевский-Плющик арестованы. Приняты меры путем моего личного разъяснения Совету солдатских депутатов установления полного спокойствия и порядка в Могилеве; послан приказ полковнику Короткову не двигать войска его далее станции Лотва, так как надобности в этом никакой нет…

С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы Советов, являются неоспоримым фактом…»

Однако Алексеев прекрасно понимал, что именно Л. Г. Корнилов и его единомышленники были теми людьми, которые видели надвигающуюся на Россию и ее армию, на Русский фронт Великой войны подлинную катастрофу. Думается, что уже тогда Алексеев предвидел если не гибель старой России, то вооруженную борьбу за ее спасение. О попавших в заключение корниловцах он не забывал.

В декабре 1917 года находившийся в Могилеве генерал-майор М. К. Дитерихс получил из Новочеркасска от генерала Алексеева письмо, отправленное с доверенным человеком. Бывший Верховный главнокомандующий писал своему соратнику по Юго-Восточному фронту и сослуживцу по штабу Ставки:

«…Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиться. Само собой ничего не произойдет…

Только энергичная, честная работа всех, сохранивших совесть и способность работать, может дать результаты…

Слабых мест у нас много, а средств мало, давайте группировать средства главным образом на юго-восток, проявим всю энергию, стойкость…

Откуда-то должно идти спасение от окончательной гибели, политической и экономической. Юго-восток имеет данные дать источники такого спасения. Но его нужно поддержать, спасти самого от потрясения. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжиданием…»

Алексеев надеялся, что это послание обязательно попадет к «быховским узникам», судьба которых его сильно тревожила. Дитерихс, будущий военный министр у адмирала А. В. Колчака, действительно сумел передать алексеевское послание генералу Корнилову и другим арестованным.

В дни следствия над участниками корниловского «мятежа» генерал от инфантерии М. В. Алексеев оставил свой пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Он пробыл в этой должности всего неделю. Сам он обосновал свое решение (интервью с ним было опубликовано в газете «Речь» от 13 сентября 1917 года) об отставке тремя причинами.

Первая причина состояла в выступлении генерала Корнилова. На страницах «Речи» это прозвучало так:

«…Его дело, как народно-идейное, требует широкого политического освещения, а его хотят судить военно-революционным судом, который состоит из трех случайных офицеров и трех случайных солдат, людей без юридических знаний и без широкого общественного горизонта…

Со всем этим моя совесть согласиться не может. Я не могу спокойно видеть это и ухожу».

Вторая причина, сказал М. В. Алексеев, состояла в развале армии. По его мнению, именно генерал Корнилов предлагал действенные меры для спасения положения, но они правительственной властью приняты не были. Более того, их автор оказался под судом.

Третья причина отставки крылась в невозможности начальника штаба Ставки помочь своим фронтовым братьям-офицерам. Алексеев назвал их в газетном интервью мучениками, погибающими под пулями и пыткой собственных солдат.

Верховный главнокомандующий «новой» России А. А. Керенский принял отставку генерала-стратега. Тот был назначен «в распоряжение Временного правительства, дабы опыт в военных делах и его знания могли быть использованы и впредь на благо Родины». Официальное сообщение об отставке было опубликовано в «Вестнике Временного правительства» 9 сентября 1917 года.

Бывший Верховный главнокомандующий России, дважды бывший начальник штаба Ставки генерал от инфантерии, сын николаевского солдата-сверхсрочника М. В. Алексеев стал одним из зачинателей Белого движения. То есть его военным вождем в вооруженной борьбе за старую Россию, но не монархию Романовых.

В Петрограде после отставки главный стратег России в Первой мировой войне «остался не у дел». В городе на Неве он создал тайную, преимущественно офицерскую организацию, которая в истории Гражданской войны, в ее прологе получила название Алексеевской военной организации. Датой ее основания считается день 20 октября 1917 года. Квартира Алексеева не раз являлась местом тайных заседаний.

Сведения о деятельности Алексеевской военной организации весьма скудны даже в мемуарах белогвардейцев, поскольку никакая документация в подпольной организации по известным причинам не велась. Многочисленной она не была, имела тайные отделения в Москве и ряде других городов. Да и к тому же существовала, как таковая, недолго.

После Октябрьской революции 1917 года Алексеев под чужим именем выехал из Петрограда на Юг России, в столицу Донского казачьего войска город Новочеркасск. Оставаться ему в красном Питере стало опасно. Перед отъездом он отдал приказание членам созданной им военной организации любыми путями пробираться на свободный от большевиков Тихий Дон, к атаману А. М. Каледину в казачью столицу.

Прибыв в Новочеркасск 2 декабря, генерал Алексеев обосновался в двухэтажном кирпичном доме № 39 на Барочной улице – в бывшем военном госпитале. Там имелись кровати, запасы постельного белья, общая кухня. Этот дом стал для Добровольческой армии «знаковым»: именно здесь стал формироваться первый отряд белых волонтеров.

В самом начале своего пребывания на Дону М. В. Алексеев определился в новой стратегии Белого движения. Составляется план ближайших действий. Поднимая военное знамя Белого дела, Михаил Васильевич ясно понимал, что все придется начинать, как говорится, «с азов». Создавая первые ячейки белого добровольчества, он сознательно делал ставку на фронтовое офицерство, которое, не приняв развал русской армии, не могло принять и власть Советов.

Зная, что российский Юг становится прибежищем большого числа офицеров-корниловцев, по разным причинам оставившим свои части и фронты, М. В. Алексеев пишет статью для новочеркасской газеты «Вольный Дон». С ее страниц бывший Верховный главнокомандующий России обращается к армейскому офицерству со страстным призывом «спасения Родины»:

«Русская государственность будет создаваться здесь. Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здоровому государственному ядру юго-востока…»

Тех, кто тогда рвался на вольный Дон, в истории Гражданской войны в России назовут «первопоходниками». Судьба этих людей, за редким исключением, оказалась трагичной. О них историк белой эмиграции А. А. Керсновский скажет такие слова:

«…Кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры русской армии и увлеченная ими русская учащаяся молодежь. Только они вышли из огневого испытания не истлевшими, прошли через кровь не запятнанными и через грязь не замаранными.

Петровская армия отошла в вечность. И с последним ее дыханием забилось сердце Добровольческой армии. Русская армия продолжала жить…»

С помощью донского войскового атамана генералу Алексееву удалось получить помещение для белых воинских формирований. Так у добровольцев в Новочеркасске по адресу:

улица Барочная, дом № 2 (на углу с Платовским проспектом), появилось помещение, сразу же превращенное в «замаскированное» офицерское общежитие № 1 на 250 человек.

Этот дом и стал колыбелью белой Добровольческой армии. Штаб генерала от инфантерии М. В. Алексеева размещался на той же Барочной улице, в доме № 56. Штаб поражал своей немногочисленностью, организаторской же работы было более чем достаточно.

Первое добровольческое воинское формирование было создано уже 4 ноября, на третий день после приезда генерала от инфантерии Алексеева в столицу донского казачества. Это была Сводно-офицерская рота, в которой числились и юнкера. Ротой командовал убежденный монархист штабс-капитан Василий Парфенов, служивший ранее в лейб-гвардии Измайловском полку.

На фронт Первой мировой войны пошел добровольцем, заслужив воинской доблестью первый офицерский чин. Фронтовые рекомендации у добровольца команды конных разведчиков смотрелись выше всяких похвал: он был награжден солдатскими Георгиевскими крестами всех четырех степеней. Погиб полковник Парфенов летом 1920 года в Крыму, будучи командиром пехотного полка врангелевской Русской армии.

К середине ноября в Новочеркасске уже находилось 180 человек белых добровольцев. Большинство из них называли себя «корниловцами». С этого времени запись в Алексеевскую военную организацию на Дону велась уже официально, без «сокрытия». Люди добирались сюда, как правило, поездами, которые шли через Донскую область

Добровольцы прибывали в Новочеркасск ежедневно. Во второй половине ноября алексеевцы (треть их составляли офицеры) имели уже три воинских формирования. Помимо Сводно-офицерской роты, были созданы Юнкерский батальон (сперва это была отдельная рота) и Сводная Михайловско-Константиновская батарея, основу которой составили юнкера двух петроградских артиллерийских училищ – Михайловского и Константиновского.

Батарея насчитывала в своем составе до 250 человек и вооружена только трехлинейными винтовками, пока еще не имея ни одного орудия. 60 юнкеров были михайловцами, остальные – константиновцами. Сводной батареей стал командовать штабс-капитан Николай Шаколи, курсовой командир Михайловского артиллерийского училища, последовавший на Дон за своими воспитанниками и подтвердивший свою запись в Алексеевскую военную организацию делом.

Образовавшись, Сводная Михайловско-Константиновская батарея разместилась в здании Платовской гимназии. А Юнкерская рота, отдавшая ей взвод артиллеристов, уже через несколько дней снова выросла до 150 человек и была развернута в трехротный Юнкерский батальон. Две ее роты были юнкерские, а третья называлась Кадетской.

Начала формироваться Георгиевская рота (в середине ноября в ней числилось до 60 человек фронтовиков, преимущественно нижних чинов – георгиевских кавалеров). На войне обладатели Георгиевских крестов виделись золотым фондом любых полков и батарей. Все они являлись опытными окопниками.

Одновременно шла запись в белую студенческую дружину. Она пополнялась ростовской и новочеркасской учащейся молодежью. Основу дружины, которая в скором времени превратится в Студенческий батальон, составили 180 человек Ростовского среднего коммерческого училища – три его старших класса.

Подавляющее большинство добровольцев прибывало на Дон без оружия. Поэтому вопрос о вооружении их встал сразу. Только часть офицеров-добровольцев имела личное оружие. Атаман А. М. Каледин заверил генерала Алексеева, обратившегося к нему с просьбой помочь вооружить членов его военной организации, в том, что Донское правительство и он лично такую помощь белым волонтерам окажут без проволочек.

Атаман войска Донского сдержал свое слово. Он помогал добровольцам, своим потенциальным союзникам в отстаивании вольного Дона от большевиков, «самым широким спо-

собом». Вот всего лишь две справки о том, как вооружались в Новочеркасске первые прибывшие туда алексеевцы:

«8 ноября из арсенала было получено для общежития № 1 24 винтовки, по 30 патронов на каждую, в общежитии же насчитывалось к этому дню 41 человек».

«10 ноября через артиллерийское управление было проведено разрешение атамана на выдачу организации 274 винтовок, по 120 патронов на каждую, а также 18 револьверов (в револьверах была острая нужда и в частях войска Донского), каковые и были получены».

Но это было еще не все. В эти же дни атаман А. М. Каледин обещал передать алексеевской организации половину пулеметов, которые были отобраны у гарнизона Хутунка (там стояли запасные пехотные полки) при его разоружении. Но, несмотря на бдительный надзор, хутынским большевикам удалось скрытно увезти пулеметы еще до начала разоружения в близкий Ростов. Там пулеметы были надежно спрятаны для того, чтобы «заговорить» в первых боях на Дону.

После разоружения калединскими казаками гарнизона Хутунка в середине ноября винтовки и патроны доставлялись алексеевцам подводами и автомобилями в количестве, далеко превышающем потребности наличного состава. Это делалось по прямому распоряжению атамана Каледина. Поэтому к началу первых боев с красноармейскими отрядами добровольцы оказались хорошо вооружены винтовками, но с ограниченным числом патронов. После разоружения запасных пехотных полков в Хутунке у белых волонтеров появились первые ручные гранаты.

Оружие добывалось и другими путями. Так, в первых числах ноября военным комендантом станции Шахтная поручиком Федоровым по собственной инициативе было роздано проезжающим на Дон под знамена генерала Алексеева офицерам-корниловцам 120 винтовок и около двух с половиной тысяч патронов.

Атаман войска Донского А. М. Каледин продолжал вооружать нарождающуюся белую Добровольческую армию до последних своих дней. 17 ноября в распоряжение особой команды добровольцев был передан броневой автомобильный дивизион, имевший несколько двухпулеметных и однопушечных броневиков. Однако материальная часть их оказалась сильно изношенной, и бронемашины часто выходили из строя.

К 18 ноября весь личный на тот день состав формируемой Добровольческой армии – около 800 бойцов – был вооружен. Винтовок-трехлинеек хватало и для формирующейся белой студенческой дружины, и на прибывающих каждодневно добровольцев. Обучать владению оружием приходилось немногих, разве что кадет и студентов.

Следует заметить, что войска Красной Армии, посылаемые против белого Дона с конца 1917 года, были вооружены намного лучше добровольцев и казаков-калединцев. Прежде всего, такое превосходство выражалось в количестве артиллерии и пулеметов, бронепоездов и аэропланов, автомобилей, обеспеченности боеприпасами.

…Прибывшие на Дон белогардейцы столкнулись с немалыми трудностями. Все вновь прибывшие в Новочеркасск подписывали особые заявления о своем желании служить добровольцами в течение ближайших четырех месяцев. Денежного оклада первое время не полагалось. Все армейское содержание ограничивалось лишь пайком, о скудности которого говорить не полагалось.

Затем добровольцам стали выплачивать в качестве жалованья (по тому времени действительно «нищенского») небольшие денежные суммы ассигнациями в размере от 100 до 270 рублей офицерам, от 30 до 150 рублей нижним чинам. Кроме того, тем добровольцам, которые привезли с собой семьи, начислялась небольшая, часто символическая надбавка.

Один из ближайших помощников Алексеева в те «новочеркасские дни», Л. В. Половцев, написавший в эмиграции воспоминания о Гражданской войне в России – «Рыцари тернового венца», так рассказывает о первых днях зарождения белой Добровольческой армии:

«Ближайшими сотрудниками ген. Алексеева были в то время: его адъютант рот. Шапрон, начальник штаба полк. Веденяпин, подп. Лисовой и кап. Шатилов; начальник строевой части, бежавший из быховской тюрьмы ген. граф И. Г. Эрдели; начальник хозяйственной части – член Госдумы Л. В. Половцев (автор воспоминаний. – *А.Ш.*), по политическим вопросам – член Госдумы Н. Н. Львов, С. С. Щетинин и А. А. Ладыженский.

В Ростове и Таганроге работал председатель общества заводчиков и фабрикантов В. А. Лебедев.

Для сбора добровольцев с фронта в Киеве была создана особая организация, во главе которой стоял ген. – кав. А. М. Драгомиров и член Госдумы В. В. Шульгин.

На первый призыв ген. Алексеева отозвалось около 50 офицеров и юнкеров, бежавших в Новочеркасск из Петрограда и Москвы после октябрьских стычек с большевиками. Из них были составлены кадры первых воинских частей: офицерского и юнкерского батальонов.

Прибывали добровольцы и из соседних областей – ободранные, без белья, без сапог, в каких-то опорках. Их надо было разместить, одеть, обуть и кормить, а денег было мало.

Получив самые широкие обещания денег со стороны различных общественных организаций в Москве и Петрограде, ген. Алексеев приступил к выполнению своего плана, имея в кармане 10 000 руб., занятых им у частного лица. На эти деньги и жили несколько дней кадры будущей армии.

Постепенно стали поступать в кассу местные пожертвования, но в ничтожных размерах. Наконец, наступил момент, когда стало ясно, что завтра надо бросить все дело, потому что денег больше нет.

Помочь делу решили сами добровольцы. Наиболее состоятельные из них, не имея сами наличных денег, воспользовались своими кредитоспособными именами и выдали векселя. По учете векселей, при содействии Н. Н. Львова, в местных банках получилась сумма около 350 000 руб., которые и спасли дело на некоторое время.

Одному Богу известно, какие мучительные часы переживали Алексеев и его сотрудники в это время.

Поставив на карту все – и доброе имя, и жизнь, и все свое прошлое, – увидев полную возможность осуществления своей мечты о великом деле, ген. Алексеев мог оказаться в самом ужасном положении.

Ведь от великого до смешного один только шаг. А разве не смешно было бы для бывшего Верховного главнокомандующего собрать армию в 50 человек и затем распустить ее.

Но ген. Алексеева эта мысль не пугала. Он хлопотал, просил, умолял, и хотя с величайшими затруднениями, но армия создавалась и увеличивалась…»

О том же писал и боевой соратник Корнилова по Первой мировой войне «быховский узник» генерал-лейтенант А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты»:

«Было трогательно видеть, как бывший верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей…»

С конца 17-го года в Новочеркасск по призыву М. В. Алексеева стекались все, кто был готов с оружием в руках поддержать Белое дело. Это были контрреволюционно настроенные фронтовые офицеры, юнкера военных училищ и школ прапорщиков, студенты и гимназисты старших классов, солдаты из ударных частей. Прибыли первые «быховские узники» – генералы Деникин, Лукомский, Марков, Романовский… Добровольческая армия становилась реальной военной силой на Юге России.

Из Новочеркасска Алексеев не раз пытался наладить отношения с Кубанью, с ее казачеством. Туда он инкогнито совершил две деловые поездки. В 20-х числах ноября побывал

в Екатеринодаре на заседании правительства Юго-Восточного союза. Но поездка оказалась малопродуктивной. Кубанская казачья старшина тогда больше думала об автономии области от России, чем о судьбе государства.

Тогда Алексеев направил из Новочеркасска на российские окраины (Кубань и Северный Кавказ) несколько доверенных лиц. Так, в начале января 1918 года в район Кавказских Минеральных Вод, где скопилось большое число офицеров, отправился полковник Я. А. Слащёв, недавний командир гвардейского Московского полка. Он был достаточно авторитетной фигурой для обращения к фронтовому офицерству: за войну был пять раз ранен и дважды контужен, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием «За храбрость».

Посланцы М. В. Алексеева, пока не «встал» сплошной линией Донской фронт, регулярно пробирались по железной дороге в Москву и Петроград. Генерал Алексеев стремился создать там сильное антибольшевистское подполье, на которое можно было бы опереться в грядущих боях. Особые надежды возлагались на деятельность подпольного Национального центра, общее руководство которым осуществлял Н. Н. Щепкин. Поддерживалась связь и с могилевской Ставкой, вернее с тем, что от нее еще оставалось.

Военной организацией Национального центра руководил хорошо знакомый Алексееву генерал-лейтенант Генерального штаба Н. Н. Стогов. Георгиевский кавалер, командующий Юго-Западным фронтом в январе 1918 года прибыл в Москву и поступил там в Красную армию как военный специалист. Военспец Стогов с мая по август того года был начальником Всероссийского главного штаба. И одновременно с полковником В. В. Ступиным возглавлял… подпольную Добровольческую армию Московского района.

Еще до прибытия в Новочеркасск генерала Л. Г. Корнилова Алексеев сумел связаться со своими единомышленниками и в далекой от Дона Сибири. Официальным посланцем Добровольческой армии в Белой Сибири стал генерал В. Е. Флуг. В начале 1918 года он тайно пробрался на российский восток и в июне того года вошел в состав «Делового кабинета» генерала Хорвата во Владивостоке.

Стогов, Слащёв и Флуг были самыми именитыми представителями «зачинателя Белого дела» на местах. Десятки и десятки офицеров и людей далеко не военных профессий по заданию командования Добровольческой армии совершали тайные поездки по ту сторону фронтов Гражданской войны. Все они имели одну задачу: организацию Белого движения.

Белые волонтеры не мыслили себя вне воинской организации. Добровольцы во время «постоя» в Новочеркасске (а потом в Ростове) жили по воинским уставам старой русской армии. Обязательным было воинское обучение, несение караулов и дневальной службы. Генерал М. В. Алексеев взыскательно следил за тем, чтобы такой ритм жизни, пока еще отчасти мирной, первых добровольческих частей не менялся.

Созданная в Новочеркасске, в столице донского казачества из первых белых добровольцев Алексеевская офицерская организация стала ядром Добровольческой армии. Информация о белой армии, формируемой на Юге, расходилась по России. Противная сторона не замедлила дать ей классовую «окраску» и увидеть в ней «классового врага».

В вышедших в 1925 году в Ленинграде «Очерках истории Гражданской войны» (их автором был преподаватель Военно-политической академии имени тов. Толмачева РККА и РККФ Ан. Анишев) добровольческие воинские формирования назывались «типичными отрядами черной гвардии». О начале вооруженного противостояния на Юге России говорилось следующее:

«Активной действующей силой не местного значения в вооруженной борьбе на Дону и Кубани были буржуазно-помещичья гвардия, с одной стороны, и рабочая Красная гвардия – с другой. Все остальное как с той, так и с другой стороны было только обстановкой, в которой эта борьба протекала…

Задача пролетарских отрядов Красной гвардии была… распространение влияния пролетарских центров на окраины».

Время торопило и белых, и красных. События на российском Юге, где зачиналась Гражданская война, стали стремительно развиваться и часто спонтанно. Прапорщик Н. В. Крыленко, ставший «на час» Верховным главнокомандующим Советской России, направлял на границы Дона красногвардейские отряды с карательными задачами.

С каждым пассажирским поездом, прибывавшим на местный вокзал, число добровольцев в Новочеркасске увеличивалось. Большой радостью для генерала Алексеева стало то, что из Могилева прибыл, а вернее сказать – пробился Георгиевский батальон, полностью солдатский, сохранивший свои кадры.

Он был сформирован из раненых фронтовиков – георгиевских кавалеров, которые проходили после выздоровления тщательный отбор. По замыслу императора Николая II, такому батальону предстояло стать элитной частью сражающейся русской армии, поскольку каждый его боец являлся действительно доблестным воином. Причем многие солдаты являлись обладателями полного банта «Егориев» – крестов всех четырех степеней. Отдельный батальон на фронте намечался для использования как штурмовая часть, но судьба его сложилась так, что он стал нести охрану могилевской Ставки.

Все до единого опытные фронтовики, бойцы Георгиевского батальона отличались «примерной» бодростью духа, пехотной выучкой и дисциплинированностью. Это были подлинные рядовые герои мировой войны. Они стали первыми нижними чинами русской армии (не считая разве небольшого числа ударников), которые в Новочеркасске пополнили ряды создававшейся белой Добровольческой армии.

Горя желанием с оружием в руках защищать Россию, добровольцы тем не менее находились, скажем прямо, в угнетенном состоянии. Им казалось, что не только солдатская масса, но и большая часть России выступает против Белого движения. Но это мнение серьезно изменилось, когда в начале декабря 1917 года стали известны результаты выборов в Учредительное собрание. ЦК партии большевиков и Совнарком не решились отменить выборы, назначенные еще Временным правительством.

В большинстве избирательных округов выборы состоялись во второй половине ноября. Партия большевиков в итоге набрала 24 процента голосов, победив в ряде крупных промышленных центров и воинских гарнизонах. Правые партии, ведущей из которых являлась конституционно-демократическая (кадетская) партия, набрали только 17 процентов. Партия социалистов-революционеров (эсеров), меньшевиков и других демократов получили 59 процентов. В ходе выборов в Учредительное собрание партия эсеров получила подавляющее число голосов избирателей – более 40 процентов. Но к тому времени в их рядах уже не было единства; социалисты-революционеры с их «крестьянской» программой раскололись на ряд течений: левых, правых, максималистов, интернационалистов и прочих.

Как бы потом ни толковали итоги выборов в Учредительное собрание в конце 1917 года, было ясно, что партия большевиков не набрала и четверти голосов, и потому она могла управлять государством только во временном союзе с партией левых эсеров. Совет народных комиссаров постановил открыть Учредительное собрание 5 января 1918 года.

В день открытия Учредительного собрания в Петрограде состоялась массовая манифестация под лозунгом: «Вся власть Учредительному собранию!» Собравшись на Марсовом поле, демонстранты двинулись к Таврическому дворцу. Однако путь им преградили отряды большевистского Чрезвычайного штаба, созданного «для защиты власти Советов от всех покушений контрреволюционных сил». По манифестантам был открыт огонь.

По некоторым данным, в день открытия Учредительного собрания в Петрограде было убито от 8 до 20 демонстрантов, ранено более 200 человек. В ходе Гражданской войны это

был первый случай, когда по приказу советской власти стреляли в народ. При этом человеческих жертв оказалось больше, чем при штурме Зимнего дворца.

Учредительное собрание все же провело свое первое заседание. После того как оно 237 голосами против 146 голосов отказалось обсуждать «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», предложенную большевистским ВЦИК, судьба нового российского парламента была решена. Этот отказ стал для Учредительного собрания, которое правомочно считало себя верховной властью в стране, равносильным «смертному приговору».

Большевики и левые эсеры покинули зал заседания Учредительного собрания. Когда началось обсуждение проекта о земле, к трибуне подошел начальник охраны Таврического дворца, балтийский матрос анархист Анатолий Железняков, который произнес свою историческую фразу:

– Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал.

С разгоном законно избранного Учредительного собрания вся полнота государственной власти фактически оказалась в руках ленинского Совнаркома. Под руководством Л. Д. Троцкого начинает действовать Революционный Военный совет (РВС). В экстренном порядке идет формирование Красной Армии, главный враг которой находился на российском Юге. Отменяются солдатские комитеты, устанавливается единоначалие командиров, подотчетных комиссарам. Вводится строжайшая революционная дисциплина, смертная казнь на фронте через расстрел становится нормой военного времени…

В ночь на 26 ноября в соседних с Новочеркасском городах Ростове и Таганроге вспыхнули вооруженные восстания, подготовленные местными большевиками-подпольщиками. Но удержать Ростов и Таганрог в своих руках военно-революционные комитеты смогли только несколько дней. Восстания были подавлены калединскими казаками и добровольцами. Первая кровь пролилась на железнодорожной станции Нахичевань.

Генералу Алексееву было чем встревожиться. Пять дней ожесточенных боев за Ростов обернулись для добровольцев при их малочисленности потерями почти в 150 человек. Список потерь со смертельным исходом насчитывал до 40 человек.

Отпевание убитых при штурме Ростова юнкеров состоялось в новочеркасском войсковом соборе. Среди убитых оказались и молодые донцы из Новочеркасского казачьего училища. Поэтому на похоронах народу было много. Бывший Верховный главнокомандующий России генерал от инфантерии М. В. Алексеев произнес, как писали потом очевидцы, «исключительно сильную» речь. Обращаясь к лежащим в гробах добровольцам, он сказал:

– Орлята! Где были ваши орлы, когда вы умирали…

Военный госпиталь Новочеркасска – «Больница общества донских врачей» был переполнен ранеными добровольцами. За их жизни боролись медсестры, среди которых были дочери М. В. Алексеева – Клавдия и Вера, дочь генерала Л. Г. Корнилова – Наталья. Один из тяжелораненых, юнкер Виктор Ларионов, писал в своих эмигрантских мемуарах о том, как госпиталь посетил генерал Алексеев:

«Старый Верховный главнокомандующий российской армии производил огромное впечатление умом, своим обращением, дружеской непринужденностью…»

Во второй половине ноября положение на Дону осложнилось и ухудшилось. Тысячи дезертиров со всех фронтов ехали домой через Область войска Донского. На каждой железнодорожной станции они грабили обывателей, добывая себе пропитание. Железнодорожное начальство дезертиры под угрозой оружия принуждали отправлять первыми именно их поезда, не считаясь с установленным расписанием. Также они захватывали вагоны, паровозы и паровозные бригады.

Установившийся порядок жизни на тихом Дону рушился. У войскового правительства сил для наведения порядка на железных дорогах не находилось. Такой ситуацией воспользо-

вались большевистские Советы, настраивавшие массу самовольно покидавших окопы фронтовиков против «контрреволюционного» Дона и казачества в целом.

Атаман Каледин обратился за помощью к генералу Алексееву. Тот распорядился выделить в распоряжение Донского правительства необходимое число добровольцев для несения патрульной службы на железнодорожных станциях. Причем под контроль брались не только станции Дона, но и ближайшие к его границе узловые станции. Патрулями командовали казачьи офицеры.

На станциях Дебальцево и Иловайская произошли первые столкновения с толпами вооруженных дезертиров, среди которых было много пьяных людей. После этого порядок на железнодорожных станциях все чаще стал наводиться силой оружия, а не угрозой его применения. В таких столкновениях гибли белые волонтеры – офицеры и юнкера. Калединские казаки в ответ стали создавать белые партизанские отряды, которые совершали налеты на станции окраин Донецкого угольного бассейна, где скапливались эшелоны с фронта.

6 декабря в Новочеркасск прибыл переодетый в простого мужика, беженца из Румынии, ожидаемый всеми генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов, еще один Верховный главнокомандующий России в мировой войне. Для добровольцев, в своем большинстве «корниловцев», приезд «народного героя» стал настоящим событием.

После прибытия Корнилова стало ясно, что между ним и Алексеевым существуют противоречия. По своему характеру они мало подходили друг другу. Тот и другой, имея за плечами опыт Верховного главнокомандования в Первой мировой войне, были готовы возглавить Белое движение. Закрытые совещания генералов и оказавшихся в Новочеркасске общественных деятелей из столиц, думских политиков (атаман А. М. Каледин на них не присутствовал) только обостряли эту проблему.

На совещаниях решался основной вопрос существования, управления и единства Алексеевской военной организации. По существу, весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух полководцев – Алексеева и Корнилова. «Хрупкий еще организм» Алексеевской организации не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) белая Добровольческая армия раскололась бы, во втором (уход Корнилова) – она бы развалилась.

Требовалось создания на российском Юге такого органа, который взял бы на себя правительственные обязанности. Такая форма «верховной власти» нашлась в виде «триумвирата» Донского гражданского совета: Алексеев – Корнилов – Каледин. На первого из них возлагалось гражданское управление, внешние сношения и финансы. На второго – власть военного. На третьего – управление Донской областью. Триумвират просуществовал всего месяц, до трагической смерти донского атамана.

Так первым командующим белой Добровольческой армии стал бывший Верховный главнокомандующий России генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов. Его соратник Михаил Васильевич Алексеев, поступившись собственным самолюбием для пользы дела, не стал оспаривать у своего популярного единомышленника высшую власть над армией, им же созданной.

Алексеев, будучи уже больным, в возрасте человеком, участвовал в тяжелом для белых добровольцев 1-м Кубанском («Ледяном») походе. Перед этим он написал родным письмо, в котором читаются такие строки:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка посреди охватившей Россию тьмы…»

После гибели своего соратника генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова во время неудачного штурма Екатеринодара Алексеев подписал приказ о назначении новым командующим Добровольческой армией генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Деникин вспоминал в мемуарах о том, как подписывался этот приказ:

«…От чьего имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто:

– Подпишите „генерал от инфантерии“… и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

Алексеев возглавил Особое совещание, выполнявшее функции правительства белого Юга России. На этом посту он много сделал для налаживания мирной жизни в освобожденных от красных южных областях, в организации пополнения белой армии и ее снабжения. Но к тому времени силы уже оставляли его.

Командование же Добровольческой армией всецело перешло к бывшему командующему фронтом А. И. Деникину, боевому соратнику погибшего Корнилова. С новым командующим и единомышленником Михаил Васильевич тесно сотрудничал до последних дней своей жизни. Деникин писал в мемуарах:

«Генерал Алексеев сохранил за собой общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я – верховное управление армией и командование. За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о пределах компетенции нашей власти».

Перенапряжение духовных и физических сил в последние годы сказалось на состоянии здоровья зачинателя Белого движения. Один из самых известных полководцев и стратегов Первой мировой войны, генерал от инфантерии М. В. Алексеев, умер от воспаления легких 25 сентября 1918 года в Екатеринодаре и был со всеми воинскими почестями торжественно похоронен в усыпальнице Екатеринодарского Войскового собора. В тот же день генерал-лейтенант А. И. Деникин отдал приказ по Добровольческой армии, в котором писалось следующее:

«Сегодня окончил свою – полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь Генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне…

И решимость Добровольческой армии продолжать его жертвенный путь до конца – пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя Русской Земли».

В начале 1920 года, во время отступления Вооруженных сил Юга России, вдова генерала, Анна Николаевна, настояла перед белым командованием на том, чтобы прах ее мужа был перевезен в Сербию (Королевство сербов, хорватов и словенцев).

Ныне на Новом кладбище в столице страны Белграде стоит скромный памятник генералу от инфантерии М. В. Алексееву, Верховному главнокомандующему России в Первой мировой войне и зачинателю Белого движения. Надгробие украшает православный крест с одним только словом «Михаил».

Анненков Борис Владимирович
Обладатель знамени Ермака, не удержавший Семиречья

В истории Гражданской войны в России признано считать атамана Анненкова одной из самых кровавых фигур. Действительно, в тех событиях, в которых участвовал этот человек, человеческая жизнь значила немного, и репрессивные меры, в данном случае со стороны белых – колчаковцев, впечатляют воображение.

Анненков родился на Киевщине в семье отставного полковника, мелкого помещика (имение в 70 гектаров земли на Волыни) и потомственного дворянина Новгородской губернии. Матерью будущего белого атамана была цыганка, что и заметно отразилось на его внешности. Один из его предков, Иван Анненков, поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка, известен как декабрист.

В 17 лет окончил Одесский кадетский корпус, еще через два года (в 1908-м) – московское Александровское военное училище (по 1-му разряду), готовившее пехотных офицеров.

Молодой офицер, однако, пожелал служить в казачьих войсках, и его настойчивая просьба была начальством удовлетворена. Служба началась в «именном» 1-м Сибирском казачьем полку Ермака Тимофеева. Вскоре он становится командиром сотни, познав все невзгоды действительной службы в знойном Туркестане. В полку он стал одним из лучших наездников.

За «примерную» службу в Семиречье сотник был награжден своим первым орденом – Святого Станислава 3-й степени. Другие ордена он получит за боевые заслуги на Русском фронте Первой мировой войны.

1-м Сибирским казачьим полком в те годы командовал полковник П. Н. Краснов, будущий генерал и командующий белоказачьей Донской армией. Он в таких словах вспоминал об Анненкове, будучи в эмиграции:

«…Это был во всех отношениях выдающийся офицер.

Человек, богато одаренный Богом, смелый, решительный, умный, выносливый, всегда бодрый. Сам отличный наездник, спортсмен, великолепный стрелок, гимнаст, фехтовальщик и рубака – он умел свои знания полностью передать и своим подчиненным-казакам, умел увлечь их за собою.

Когда сотник Анненков временно… командовал 1-й сотней, сотня эта была и первой в полку. Когда потом он принял полковую учебную команду, команда эта стала на недосягаемую высоту.

Чтобы быть ближе к казакам, Анненков жил в казарме команды, отгородившись от казаков полотном. Он шел далеко впереди моих требований, угадывал их с налета, развивал мои мысли и доводил их до желаемого мною совершенства…

Он часто садился под поваленное дерево, имея на руках своего Фокса, и казаки сотни прыгали на лошадях через своего сотенного командира. Не было ничего рискованного, на что он не вызвался бы. Чистота одежды, опрятность казаков, их воспитание и развитие – все это было доведено у него в сотне, а потом в команде, до совершенства.

Как мне было не любить и не ценить такого офицера? Он никогда не „дулся“ на замечания, всегда был весел и в хорошем расположении духа…»

Там, в Сибири, карьера Анненкова едва не оборвалась самым неожиданным образом. Во время прохождения лагерных сборов под Кокчетавом он встал на сторону рядовых казаков, «взбунтовавшихся» против рукоприкладства начальника лагеря Бородихина.

По просьбе нижних чинов сотенному командиру из второочередного 4-го Сибирского казачьего полка пришлось взять на себя командование тремя полками, бывшими на сборах.

Высокое начальство тот конфликт рассудило по-своему, поскольку дело закончилось убийством начальника лагеря. 80 казаков, в том числе офицер-дворянин Борис Анненков, были преданы военно-полевому суду. Его приговор к осужденным был суров.

Сотенного командира приговорили к одному году и 4 месяцам заключения в крепости (войсковой атаман заменил заключение в крепость содержанием на гауптвахте) с ограничением в правах, но без исключения с воинской службы. На суде он отказался назвать зачинщиков «бунта», хотя сумел удержать свою сотню от участия в беспорядках.

Начавшаяся Первая мировая война изменила решение суда: вместо крепости офицера отправляют на Германский фронт в составе 4-го Сибирского казачьего полка. Воевать пришлось в Белоруссии, в 1914 году – на Северо-Западном фронте. Получил шесть боевых наград, был ранен, произведен в чин подъесаула.

Во время жестоких боев в районе Пинских болот полк понес тяжелые потери в людях, но сотник Борис Анненков с остатками полка сумел пробиться в Гродно. Следует производство в есаулы.

В это время в казачьих и кавалерийских дивизиях начинают формироваться конные партизанские отряды для совершения рейдов и диверсий во вражеских тылах, ведения разведки. Анненков добивается назначения в подобный отряд, формируемый в Сибирской казачьей дивизии, вскоре став (в 1915 году) его командиром. Назначение тогда проводилось путем избрания наиболее авторитетного командира старшими офицерами партизанского отряда (Отряда особого назначения), состоявшего из более сотни казаков-добровольцев.

Партизанский отряд сибирских казаков отличался сплоченностью и боевитостью. Он отличился при проведении ряда операций в тылу врага, совершая диверсионные рейды через линию фронта. Анненков, произведенный в чин есаула, демонстрировал смелость и умение командовать людьми. За боевые заслуги (отличие в боях под городом Сувалки) 11 сентября 1917 года высочайшим приказом награждается почетным Георгиевским оружием. В том же году производится в войсковые старшины.

В декабре того же года Анненков во главе своего отряда прибывает на расформирование в Омск, столицу Сибирского казачьего войска. Там он отказался подчиниться приказу Совета казачьих депутатов о разоружении конно-партизанского отряда (перед этим его пытались разоружить в Орше и Пензе). Так начался его конфликт с советской властью. В результате командира партизан объявили вне закона.

Войсковой старшина уходит в подполье. В январе 1918 года он возглавляет созданную в Омске казачью организацию тринадцати. В том же месяце несколько таких небольших контрреволюционных групп, в том числе и анненковская (в нее входило уже 24 казака), на нелегальном собрании решили начать вооруженную борьбу против новой власти. Участники собрания покидают Омск и оседают в близлежащих от города казачьих станицах, в которых было неспокойно. Анненковцы укрылись близ станицы Шараповской.

В марте месяце нелегально созванный войсковой круг сибирского казачества, вставшего на сторону Белого движения, проведенный в станице Атаманской под Омском, избрал Б. В. Анненкова войсковым атаманом.

Выступление белых началось 19 марта 1918 года. Отряд Бориса Анненкова из станицы Захламинской, расположенной в шести верстах от Омска, совершил дерзкий налет на Омский казачий собор, захватив хранившиеся в нем «знамя Ермака» и знамя, врученное сибирскому казачеству в честь 300-летия дома Романовых. Стоя на санях со знаменем Ермака в руках, Анненков промчался по льду Иртыша. Он сумел уйти вместе с другими участникам налета от посланной за ним погони, уведя своих казаков в Кокчетавские степи.

«Знамя Ермака» было святыней сибирского казачества. Оно относилось к числу «простых» знамен. На одной стороне его было изображение Святого Михаила, на другой – Святого Дмитрия. Ранее эта войсковая регалия принадлежала Тобольскому казачьему пешему батальону.

Вскоре войсковой атаман вышел из Кокчетавских степей, обосновавшись недалеко, в 21 версте от Омска, в станице Мельничной. К весне 1918 года анненковский отряд вырос до 200 человек, взявшихся за оружие против Советов. Вскоре отряд, состоявший на тот период почти исключительно из хорошо организованных и дисциплинированных казаков, стал совершать налеты, занимаясь прежде всего добыванием оружия и боевых припасов. Вооружения белые казаки в самый короткий срок захватили достаточно много.

Отряд (атаман называл его теперь дивизией) состоял из двух Отдельных бригад – конной и стрелковой (300 сабель и 300 штыков). Вместе с Анненковым действовал отряд полковника Волкова численностью около 500 штыков и сабель.

Анненковцы захватили было город Омск, но силы оказались в схватке за него с красными не из равных. Белым пришлось уйти, но недалеко, из Омска, который на короткое время вновь оказался в руках большевиков.

Но ситуация в Сибири, на линии Транссиба, складывалась уже не в их пользу. По железнодорожной магистрали, растянувшись на многие тысячи верст на восток, в портовый город Владивосток тянулись эшелоны с частями Чехословацкого корпуса, ставшего в еще неоконченной Первой мировой войне частью французской армии.

Весной 1918 года отряд войскового старшины Бориса Анненкова уже представлял собой значительную силу антибольшевистского подполья в Сибири. Когда начался мятеж Чехословацкого корпуса, анненковцы активно поддержали белочехов. К тому времени численность белоказачьего отряда уже доходила до тысячи человек.

Анненков признал омское Временное Сибирское правительство. Белоказачий отряд (Партизанская дивизия) включается в состав 3-го Уральского армейского корпуса Сибирской армии. Он принимает в сентябре – октябре 1918 года участие в боях с красногвардейскими частями В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина.

После взятия города Троицка Анненков сформировал отряд в составе четырех полков, артиллерийского дивизиона и несколько вспомогательных подразделений. По решению казачьего круга производится в полковники. На Уральском фронте анненковцы пробыли до октября 1918 года.

По приказу военного министра омского правительства генерала П. П. Иванова-Ринова анненковские части, снятые с фронта, приняли участие в подавлении крестьянского восстания на Алтае, в степном Славгородском уезде. Сводный карательный отряд состоял из двух стрелковых рот, двух казачьих сотен, эскадрона черных гусар и артиллерийской батареи. Всего: 497 штыков, около 200 шашек, 5 орудий, 8 пулеметов.

15 сентября дивизия Анненкова заняла Славгород, в котором каратели учинили массовые экзекуции противников власти, расстреливая местных большевиков и повстанцев. Всего в ходе подавления Славгородского восстания было убито 1667 человек. В уезде белые реквизировали почти две тысячи винтовок и призвано в армию 11 тысяч человек. Многие из них пополнили анненковские части и «вплоть до краха колчаковщины служили вполне исправно».

После подавления Славгородского восстания отряд получает имя атамана Анненкова. Его состав: 1230 штыков, 750 шашек, 12 орудий и 16 пулеметов. Отряд направляется в город Семипалатинск на переформирование и получение солидного пополнения. Анненков руководит созданием шести полков и нескольких артиллерийских батарей. Эти силы белых предназначались для Семиреченского фронта, для действий на юго-востоке современного Казахстана.

Семипалатинское станичное общество избрало Бориса Анненкова, офицера-неказака, почетным казаком своей станицы. Но это было всего лишь наименование, так как казачьи сословные права и обязанности на почетных казаков не распространялись.

Уже будучи в Семипалатинске, Борис Анненков перестал выполнять многие приказания, которые поступали к нему из Омска. Он был вызван туда Временным Сибирским правительством, но там отказался подчинить свои силы командиру 2-го Степного Сибирского корпуса, который действовал против красных в Семиречье. Возник кофликт белоказачьего атамана с омской властью.

Вернувшись в Семипалатинск, полковник Анненков, захватив с собой около полутысячи новобранцев, двинулся в Семиреченскую область. 23 октября 1918 года анненковский отряд разворачивается в Партизанскую атамана Анненкова дивизию. Началась подготовка к новому наступлению белых на Семиреченском фронте.

Партизанская дивизия прибыла в Семиреченскую область (юго-восточная часть современного Казахстана) тогда, когда атаман Семиреченского казачьего войска Генерального штаба генерал-майор А. М. Ионов находился в отъезде, будучи вызван в Омск для доклада. Борис Анненков смещает его с этой должности, самочинно объявив себя атаманом семиреченского казачества.

Но при этом он никак не объясняет, снимает ли он с себя присвоенное ему звание атамана сибирского казачества. Формально для истории он оказался в годы Гражданской войны в России атаманом двух казачьих войск. Случай во всех отношениях уникальный.

После прихода к власти адмирала А. В. Колчака Анненков проявил себя «автономистом» по отношению к Верховному правителю России. Атаман считал Колчака «слепым исполнителем воли союзников». Но это не помешало Анненкову после омского переворота 18 ноября 1918 года отправить Верховному правителю России телеграмму следующего содержания:

«Омск.

Верховному Правителю адмиралу Колчаку.

Ваше Высокопревосходительство!

Ваше назначение Верховным Правителем, в руках которого сосредотачивается вся полнота государственной власти, дало мне с первого же момента глубокую уверенность в том, что, наконец, настал тот час, когда наша измученная, истерзанная внутренними и внешними врагами Родина снова подымится и пойдет по пути возрождения и станет такой же великой, какой и была.

Я как атаман партизан, добровольно собравшихся отдать жизнь свою в любой час за нашу Родину, приветствую Ваше назначение и заверяю своим словом Атамана, что все мои силы и помыслы будут направлены к тому, чтобы Вы уверенно и твердо могли бы опереться на нас, и (мы) готовы в каждую минуту, по первому Вашему приказу, исполнить наш святой долг перед Отчизной.

С нами Бог.

Атаман Анненков».

Собственно говоря, неповиновение «автономиста» Анненкова выразилось, в частности, в его отказе принять присвоенное ему 25 ноября 1918 года, как командиру дивизии, звание генерал-майора. Но вскоре это желанное решение омского правителя все же было «востребовано».

В том случае монархист по политическим убеждениям Борис Анненков телеграфной строкой заявил военному министру омского правительства Иванову-Ринову:

«…Я бы хотел получить генеральский чин из рук Государя Императора».

6 января 1919 года адмирал А. В. Колчак своим приказом объявил Семиречье театром военных действий. Анненкову было приказано в составе сил 2-го Степного Сибирского кор-

пуса освободить ту часть юго-востока Казахстана, которая находилась в руках красных. Речь шла о ликвидации «Черкасской обороны» – сопротивление белым 13 русских сел Лепсинского и Копальского уездов. Силы повстанцев состояли из 3–4 тысяч штыков, 1,5 тысячи сабель, 3 орудий и 5 пулеметов. Протяженность фронта составляла около 100 верст.

Анненков 20 января предпринял наступление на взятые в кольцо села, но оно успеха не имело. Его Партизанская дивизия имела в своем составе 1800 штыков, 1770 сабель. Только к июню 1919 года белое командование смогла начать развернутое наступление на Семиреченском фронте, захватывая с боем одно село за другим. К августу территория Черкасской обороны была сокращена до трех красных сел (Черкасское, Петропавловское и Антоновское).

В занятых населенных пунктах атаман Б. В. Анненков действовал и убеждением, и принуждением. Только после 16-месячных боев Семиреченская группа колчаковских войск смогла ликвидировать Черкасскую оборону, взяв последние повстанческие села. На сторону белых добровольно перешли вместе со своими командирами три роты красноармейцев, часть из них затем сражалась в рядах анненковской Партизанской дивизии.

«Замирив» Семиречье, атаман Борис Анненков попытался было увеличить численность Семиреченского казачьего войска. В его приказе от 20 декабря 1918 года по этому поводу говорилось следующее:

«Семиреченское казачество призывает все крестьянское население старожильческих русских поселков области, ближайших к казачьим районам, и тех новоселов, кому противна коммуна, а дорога Россия, влиться в казачество со своими землями…»

За ликвидацию большевистского сопротивления в Семиречье Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак в 1919 году наградил генерал-майора Анненкова орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Этот чисто военный орден старой России был сохранен Верховным правителем России адмиралом Колчаком.

С самого начала формирования Партизанской дивизии Борис Анненков стремился насадить в ней железную дисциплину. Известны его приказы о запрещении в отряде пьянства, о предании употребляющих спиртное военно-полевому суду. Наркоманов атаман расстреливал, а продававших опиум и кокаин вешал.

Анненковцы обращались друг к другу, в том числе и к своему атаману, со словом «брат». У атамана был и другой способ «единения белых партизан» из своего ближайшего окружения:

«Каждый доброволец давал торжественное обещание служить верой и правдой атаману, никогда его не покидать, ни при каких условиях.

Внешним выражением преданности добровольцев были эмблемы анненковского отряда, которые выжигались на теле в виде причудливой татуировки. На груди крест, под крестом череп и две скрещенные кости и затем змеи, извиваясь и обтекая тело в различных направления и причудливейших формах, – были символом верности атаману и братства отрядников.

Эта же самая эмблема – череп и две скрещенные кости (Адамова голова. – *А.Ш.*) – носились солдатами всего отряда вместо кокард на фуражках…»

…Перелом на Восточном фронте в 1919 году в пользу Красной Армии сказался и на удаленном от него Семиречье. Командир 2-го Степного Сибирского корпуса генерал-майор И. С. Ефтин приказал Анненкову перебросить часть своих войск под Семипалатинск для защиты города от наступающих красных. Однако атаман отказался выполнить этот приказ.

Однако затем Анненков согласился исполнить такой приказ при непременном условии передачи ему в корпусе (в который входила его Партизанская дивизия) всей полноты власти. 26 ноября Ефтин своим приказом передал все руководство 2-м Степным Сибирским корпусом атаману Б. В. Анненкову.

2-й Степной Сибирский (Отдельный Степной) корпус на это время состоял из следующих войск:

– Партизанской генерала Анненкова дивизии в составе двух своих бригад: Стрелковой (1-й Оренбургский, 1-й Партизанский, 2-й Усть-Каменогорский и 1-й Киргизский партизанский полки) и Конной (полк черных гусар и лейб-Атаманский конвойный полк).

– 5-й Сибирской стрелковой дивизии генерала В. П. Гулидова в составе четырех Сибирских стрелковых полков.

– Отдельной Семиреченской казачьей бригады генерала Ф. Г. Ярушина.

Однако выправить дела под Семипалатинском было уже поздно: в ночь на 1 декабря 1919 года в городе началось восстание ряда корпусных частей, и вскоре в Семипалатинск вошла Красная Армия. Белые, отказавшись от борьбы за город, отошли южнее.

Стремясь удержать ситуацию в своих руках, атаман Б. В. Анненков объявил о введении в районе Семипалатинск – Копал военной диктатуры. Он подписывает один из многих своих карательных приказов, в котором говорилось:

«…Приказываю:

Замеченных в распространении провокационных и панических слухов, агитирующих в пользу большевизма – немедленно расстреливать на месте преступления.

Право приводить в исполнение расстрел таких негодяев даю каждому офицеру и добровольцу, как сознательно жертвующих своими жизнями на благо Родины.

Борьба с такими предателями должна вестись беспощадно, так как они хуже большевиков, ибо находятся среди нас и действуют подло среди нас.

Подлинный (приказ) подписал командующий Армией атаман Анненков».

Колчаковские войска отступали повсеместно. Остатки 2-го Степного Сибирского корпуса в конце 1919 года пополнились отступавшими из районов Атбасара, Акмолинска и Каркалинска поредевшими частями отдельной Оренбургской армии атамана А. И. Дутова. Эти белые войска были разгромлены Красной Армией в боях под Верхнеуральском и в районе Орск – Актюбинск. Они прибыли в Семиречье, совершив «Голодный поход» через Голодную степь Туркестана. Среди оренбуржцев в те дни свирепствовала эпидемия сыпного, брюшного и возвратного тифа.

Командир отдельного 4-го корпуса Оренбургской армии генерал-лейтенант А. С. Бакич, черногорец по происхождению, в одном из писем говорил:

«…Способ командования и порядки в партизанских частях Атамана Анненкова, где не соблюдались основные требования военной службы, отрицались законность и порядок, допускались невероятные бесчинства и грабежи, как по отношению к мирному населению деревень и станиц, а равно и по отношению к чинам моего отряда, вследствие болезни не могущих постоять за себя, вызвало озлобление против партизан Генерала Анненкова со стороны чинов моего Отряда.

Памятуя, однако, общую цель – борьбу с большевиками, пришлось со многим мириться и принять совместное участие в боях по тракту Сергиополь – Урджарская…»

В самом конце года на основе разрозненных белых сил Анненков, взяв за основу свой корпус и дутовцев, создает Отдельную Семиреченскую армию. На начало февраля 1920 года в ее состав входили:

– Оренбургский отряд атамана Дутова (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии, Сызранская егерская бригада);

– Партизанская атамана Анненкова дивизия, пополненная Степной стрелковой и Киргизской (казахской) конной бригадами;

– Отдельная Семиреченская казачья бригада.

29 февраля 1920 года красное командование предложило атаману Анненкову добровольно сложить оружие, но тот принял решение продолжать военные действия. Тогда совет-

ская делегация, прибывшая для ведения переговоров, 2 марта предъявила белому генералу ультиматум, который требовалось выполнить в течение 18 часов. Анненков попытался было продлить срок ультиматума до 24 часов, но противная сторона ему в том отказала.

Части советского Туркестанского фронта перешли в наступление. К концу марта 1920 года они заняли основные населенные пункты Семиреченской области. Стало ясно, что белым в восточной части Казахстана, в приграничье с Китаем, не удержаться ввиду превосходства сил красных. К тому же они не имели ни запасов оружия, ни боеприпасов.

Атаман Анненков принимает решение уйти до лучших времен в сопредельный Китай, в Синьцзян. Туда уходили и остатки колчаковских войск, отрезанных наступающей Красной Армией от Транссибирской железнодорожной магистрали. 27 марта 1920 года анненковский отряд расположился лагерем близ китайской границы на перевале через Алатау.

Перед этим Анненков совершил злодейство, оправдания которому просто нет. Он по дороге между Уч-Аралом и Глинковкой «разрешил» тем, кто не пожелал покидать Отечество, вернуться домой, но с условием сдачи оружия. Таких людей набралось 1500–2000. За атаманом изъявили желание следовать в Китай 4200 человек.

После такого «братского расставания» безоружные возвращенцы по пути к границе были порублены шашками и расстреляны из пулеметов. После этой карательной операции красные насчитали в урочище Ан-Агач около 900 трупов, за озером Ала-Куль – еще 600…

10 мая Анненков со своими войсками перешел границу и сдался китайским властям, которые оказались сильно обеспокоенными появлением на их территории многочисленных вооруженных людей. Сперва белый отряд расположился лагерем на реке Боротол севернее города Кульджи. Власти Синьцзяна потребовали разоружения отряда, то есть его интернирования.

Такое требование было вызвано следующим обстоятельством. Китайские власти стали сомневаться в целесообразности наращивания белогвардейских войск на своей территории на границе с советским Туркестаном. К тому же белые военные жили в Синьцзяне по своим законам.

Частичная сдача оружия китайским властям состоялась у селения Джимпань Илийского округа провинции Синьцзян. За сданное вооружение, в том числе пушки и пулеметы, китайцы обещали кормить интернированных белых: выдавать на день на человека 800 граммов муки и полтора килограмма дров для приготовления пищи. Лошади отобраны не были.

Аннеков не выполнил полностью этого требования и перевел отряд от Кульджи к городу Урумчи, чтобы затем перейти к Кобдо (западная часть Внутренней Монголии), и оттуда развернуть боевые действия против советской власти на Алтае, где имелись значительные, еще окончательно не разгромленные антибольшевистские силы.

Атаман стал для китайских властей неуправляемой фигурой. Он сумел под угрозой применения оружия получить от них денежные средства на содержание отряда и из Урумчи выступил к крепости Гучен. Белые взяли ее после небольшого боя с местным гарнизоном.

Войска местного губернатора попытались выбить белых из крепости Гучен, но безуспешно. Начались переговоры, и атаман согласился сдать большую часть оружия на условиях устройства и материального обеспечения чинов его отряда. По условиям переговоров после сдачи оружия анненковцы отправлялись в Пекин с перспективой оказаться для продолжения участия в Гражданской войне в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Действительно, белый отряд эшелонами был, за небольшим исключением, весь отправлен из Синьцзяна на восток, в район Пекина. Когда атаман лишился почти всех своих сил, он был в марте 1921 года арестован со своим штабом китайцами в крепости Гучен и препровожден в тюрьму города Урумчи. Китайцы «не без корысти» стали добиваться от Анненкова передачи им ценностей, которые белые вывезли из России.

Белый генерал был освобожден из урумчийской тюрьмы только после неоднократных обращений к властям Китая начальника штаба Партизанской дивизии полковника Н. А. Денисова, а также посланников стран Антанты (прежде всего Англии и Японии) в Китае. Арестанта атамана выпустили из тюрьмы только в феврале 1924 года. На радостях Борис Анненков произвел своего начальника штаба самоличным приказом в генерал-майоры.

Анненков и сам добивался своего освобождения из китайской тюрьмы, в которой пробыл почти три года. Он писал прошения разным адресатам, в том числе и к японскому посланнику в Китае?

«…Я кадровый офицер бывшего Императорского Российского правительства и участник войны с Германией. Восемь раз был ранен и имею все русские офицерские награды (?), а также французский крест Почетного легиона и английскую медаль королевы Виктории „За храбрость“…

Оставшись верным заветам своей борьбы с большевизмом, я был интернирован в Синьцзянской провинции…

Убедительно прошу Вас, представителя великой Японской Империи, дружественной по духу моему прошлому Императорскому правительству, верноподданным коего я себя считаю до настоящего времени, возбудить ходатайство о моем освобождении из Синьцзянской тюрьмы и пропустить на Дальний Восток.

Честью русского офицера, которая мне так дорога, я обязуюсь компенсировать великой Японии свою благодарность за мое освобождение…»

По всей видимости, в миросозерцании Бориса Анненкова в годы тюремного заключения произошли некоторые изменения. Получив долгожданную свободу, он решил полностью отойти от участия в эмигрантском движении, и уехать в Канаду, где проживало достаточно много выходцев из России. Однако необходимых денежных средств для получения визы Анненков так и не нашел.

С первых дней после освобождения решительный в действиях атаман стал получать многочисленные настойчивые предложения включиться в деятельность военной белой эмиграции. Ему предлагалось возглавить монархические организации и воинские отряды, сохранившие свою организованность и настроенные на радикальные действия.

Первоначально Б. В. Анненков всячески уклонялся от таких предложений, но в конце концов согласился сформировать из белогвардейцев воинский отряд, который должен был войти в состав китайских войск маршала Фэн Юйсяна. Но тот считался у белых сторонником красных. Однако повоевать под знаменами Фэн Юйсяна семиреченскому казачьему атаману-белоэмигранту так и не пришлось.

Маршал Фэн Юйсян считался не только в Китае сторонником Советской России. И поэтому данные о том, что он пытался склонить на ее сторону авторитетного белоказачьего атамана, не беспочвенны. Вероятнее всего такое и было в действительности. Историк В. В. Клавинг писал следующее:

«…При встречах с Анненковым Фын Юй Сян пытался склонить атамана к открытому (либо тайному) сотрудничеству с Россией. Но Анненков не давал определенных надежд китайскому компрадору по этому вопросу.

(Для уточнения отношения советских властей к Фын Юй Сяну достаточно напомнить, что он погиб вместе со своей дочерью в круизном рейсе при пожаре пассажирского судна „Победа“ на Черном море в 1957 году!)».

Последующие события вокруг Анненкова больше напоминали детективную историю, в которой и по сей день расставлены не все точки. 10 апреля 1926 года неожиданно для всех атаман со своими ближайшими соратниками был «отправлен» китайскими властями через территорию Монголии в Советскую Россию.

Как гром с ясного неба для белой эмиграции явилась статья в газете «Новая Шанхайская жизнь» от 26 апреля 1926 года. Она опубликовала обращение белоказачьего атамана в ЦИК СССР «с искренней и чистосердечной просьбой о прощении» и помиловании если не его самого, то менее виновных чинов его Партизанской дивизии.

Но это было еще не все. Колчаковский казачий генерал выступил с обращением к своим бывшим соратникам с предложением прекратить всякую вооруженную борьбу с «большевистской властью». Эти два обращения, якобы вышедшие из-под пера Бориса Анненкова, вызвали бурю негодования в рядах белой эмиграции и возмущенные публикации на страницах белоэмигрантской прессы.

Однако скоро многое в деле атамана Бориса Анненкова стало проясняться. Обстоятельства отправки его китайскими властями в Страну Советов оставались неясными. Появились две версии того, как Анненков оказался в СССР, каждая из которых имела под собой известную основу.

Так, «Шанхайская заря» в номере от 25 апреля 1926 года писала, что атаман был арестован китайским военным командованием (не властями Синьцзяна) по распоряжению (требованию) советского военного руководства. Причиной этого якобы был отказ атамана Анненкова перейти на сторону большевиков.

Но более реальной версией, которая спустя многие десятилетия получила веские подтверждения, являлась вторая. Согласной этой версии, белый генерал стал «добычей» специальной операции, проведенной ОГПУ на китайской территории. Анненков вместе со своим начальником штаба полковником Денисовым был захвачен в гостинице «Калган» оперативной группой чекистов – «агентами НКВД».

За белоказачьим атаманом Анненковым заинтересованно «наблюдали» с осени 1924 года. Резидент ОГПУ в Китае в сентябре того года доносил в Москву следующее:

«Анненков – быстрого и хорошего ума, громадной личной храбрости, остроумный, жестокий и ловкий…

Хорошо владеет английским, немецким, французским, китайским, кроме этого, говорит на мусульманских (среднеазиатских) наречиях, сочиняет стихи, пишет мемуары о Гражданской войне и о своем участии в белом движении…

Имеет средства и хорошо себя держит – это тип лихого казака…»

Операцией руководил старший Военный советник маршала Фын Юйсяна «господин Лин», он же «лейтенант Генри А. Ален» – известный советский военачальник В. М. Примаков, репрессированный в 30-х годах. Непосредственными исполнителями руководил опытный разведчик С. П. Лихарин. Считается, что они действовали с негласного одобрения «сильного человека» в Китае, каким являлся маршал Фын Юйсян.

Захваченных силой оружия известных белогвардейских лидеров тайно вывезли из Китая на территорию Советского Союза, в Москву. Следствия и допросы длились более двух лет.

В июле 1927 года в городе Семипалатинске состоялся открытый судебный процесс над привезенным сюда белым атаманом и начальником его штаба. По приговору Военной коллегии (выездной сессии) Верховного суда СССР под председательством Мелнгалва 12 августа 1927 года бывший атаман Семиреченского казачьего войска генерал-майор Б. В. Анненков «за зверства во время Гражданской войны» был 24 августа расстрелян в Семипалатинске. Вместе с ним был расстрелян начальник его штаба генерал-майор Н. А. Денисов.

Имя Анненкова носила не одна Партизанская дивизия колчаковских войск. Из бывших войск Отдельной Семиреченской армии, отступивших из Казахстана в китайский Туркестан и там интернированных (разоруженных), был сформирован Анненковский конный дивизион (в действительности он был пешим, 287 штыков) под командой полковника П. Д. Илларьева.

В апреле 1922 года дивизион прибыл из западной части Китая через Пекин в Приморье, где вошел в состав белой Дальневосточной армии. Анненковцы приняли участие в боях под городом Спасском. Оставшиеся в живых семиреченские, оренбургские и сибирские белоказаки атамана Анненкова во второй раз попали в белую эмиграцию. И вновь оказались по ту сторону китайской границы.

Не все анненковцы ушли со своим атаманом в эмиграцию. Многие белые из Партизанской дивизии семиреченского атамана по разным причинам остались в России или вскоре вернулись на родину. Отказ от участия в вооруженной борьбе против новой власти не дал им гарантий личной свободы, защиты от репрессий.

В год суда над атаманом казаку его дивизии Павлу Васильеву, сыну учителя математики, было 17 лет. Он пишет «Песнь о гибели казачьего войска», поэмы «Соляной бунт» и «Христолюбовские отцы». Последняя поэма была написана им в рязанской тюрьме. Васильев не скрывал, что целью его жизни является создание «казачьей Илиады». Трижды арестованный, он был расстрелян в 1937 году.

Образ казачьего атамана Бориса Анненкова – один из самых противоречивых в истории Гражданской войны в России. Большую часть XIX столетия он неизменно рисовался только в черных красках с кровавым оттенком. Соратники и многие современники видели его иным.

Богаевский Африкан Петрович
Атаман, отдавший Донское войско под единое знамя Белого дела

Происходил из старинной фамилии донского казачества. Родился в станице Каменской (ныне город Новошахтинск Ростовской области). В семье воспитывался в традициях верной службы «Богу, царю и Отечеству», любви к истории Дона. На военной службе в Донском казачьем войске числился с 1888 года, то есть с 16 лет. Проделал обычный путь становления для казачьего генерала.

В 18 лет окончил Донской (Новочеркасский) имени императора Александра III кадетский корпус. Через два года – в 1892 году – выпустился из престижного санкт-петербургского Николаевского кавалерийского училища. Свое образование Африкан Богаевский дополнил учебой в Николаевской академии Генерального штаба, стены которой офицер-генштабист покинул в 1900 году.

То есть по меркам той эпохи будущий войсковой атаман всевеликого войска Донского военное образование получил блестящее. Все три военно-учебных заведения заканчивались им по высшему разряду, что не могло не сказаться на успешном прохождении офицерской службы.

Начать служить же выпускнику академии Африкану Богаевскому довелось в элитном лейб-гвардии Атаманском полку (в 1900–1907 годах), в котором командовал сотней. Этот полк донской гвардии с его богатой биографией вместе с тоже донским лейб-гвардии Казачьим полком стоял в самом Санкт-Петербурге, входил в состав столичного гарнизона и нес караулы по охране Зимнего дворца.

Затем он назначается офицером для поручений в штаб 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Вскоре казачий офицер получает под свое командование эскадрон лейб-гвардии Драгунского полка, входившего в состав этой дивизии.

В феврале 1907 года А. П. Богаевский назначается старшим адъютантом штаба войск гвардии и столичного военного округа. Одновременно он преподает тактику в Николаевском кавалерийском училище, выпускником которого он стал 15 лет назад. Отзывы о его преподавании были самые лестные, но он стремился к строевой службе.

Военная карьера для офицера Генерального штаба складывалась более чем успешно. С января 1908 года А. П. Богаевский становится начальником штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Однако, служа в столичной гвардии, он не терял своих связей с родным Доном. К тому же казачьи офицеры гарнизона Санкт-Петербурга всегда отличались спаенностью и корпоративностью.

…С началом Первой мировой войны российская гвардия сразу оказалась на фронте. Вскоре начальник дивизионного штаба получает в самостоятельное командование 4-й гусарский Мариупольский полк, один из старейших в Российской императорской армии. Полком армейской кавалерии полковник А. П. Богаевский командовал успешно.

В январе 1915 года он «возвращается» в казачью гвардию, будучи назначен командиром лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка. Полк состоял из четырех сотен. Первую сотню составляли уральцы, вторую – оренбуржцы, третью – сибиряки (полусотня), астраханцы и семиреченцы (по взводу), четвертую сотню – забайкальцы (полусотня), амурцы и уссурийцы (по взводу).

Следует заметить, что казачий офицер с блестящим для генштабиста-кавалериста послужным списком находился на виду у окружения императора Николая II Романова, став-

шего в чине полковника Верховным главнокомандующим России. В сентябре 1915 года Богаевский зачисляется в Свиту императора, продолжая при этом воевать на фронте.

В октябре 1915 года Африкан Богаевский, получивший «на лейб-гвардии Сводно-Казачьем полку» в марте того года эполеты генерал-майора, назначается начальником штаба походного атамана всех казачьих войск великого князя Бориса Владимировича Романова. Теперь он служит в прифронтовом городе Могилеве, где находилась Ставка Верховного главнокомандующего России.

Первая мировая война сформировала Африкана Петровича Богаевского как военачальника. Об этом свидетельствовали его высокие боевые награды – ордена Святого Владимира 2-й степени и Святой Анны 1-й степени, Георгиевское оружие (за отличия в должности начальника штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии). К 17-му году он имел личную известность в казачьих войсках.

…Наступил «знаковый» для старой России 1917 год. После Февральской революции началась массовая чистка русской армии от «явных» монархистов. Комиссары Временного правительства отправили в отставку сотни и сотни старших офицеров, многих авторитетных и заслуженных лиц из армейского генералитета. Многих «строгих» командиров изгоняли с фронта по требованиям солдатских комитетов. Воинская дисциплина и организованность в частях, прежде всего в тыловых гарнизонах, падала прямо на глазах.

Прошла чистка и Ставки Верховного главнокомандующего, штаба походного атамана всех казачьих войск. Великому князю из династии Романовых, естественно, пришлось покинуть армейские ряды. Покинул прифронтовой Могилев и генерал-майор А. П. Богаевский, в монархических взглядах которого комиссары Временного правительства не сомневались.

Но, в отличие от многих офицеров и генералов Ставки, по убеждениям монархистов, Богаевский не оставил службу. В апреле 1917 года он назначается командиром Забайкальской казачьей дивизии, а затем ему вверяется в командование 1-я Гвардейская кавалерийская дивизия. В августе он получает должность заместителя начальника штаба 4-го кавалерийского корпуса. При этом он оставался убежденным корниловцем.

В тот 17-й год, который стал голгофой Российской империи, Русский фронт с лета разваливался прямо на глазах. Анархия военного времени прежде всего поглотила тыловые гарнизоны, особенно столичный, и Балтийский флот. Богаевскому пришлось «досрочно» оставить штаб кавалерийского корпуса и убыть на тихий Дон. В декабре он прибыл к войсковому атаману А. М. Каледину по его вызову и сразу стал одним из его ближайших помощников.

Вскоре генерал-майору Богаевскому поручается командование калединскими войсками в районе города Ростова. Он сумел сразу наладить сотрудничество в противостоянии красным с добровольцами-корниловцами. Те совместно с белоказаками провели в Ростовском районе ряд успешных боев, но сдержать натиск превосходящих сил противника все же не смогли. Мобилизованные казаки стали расходиться по домам, чему Богаевский воспротивиться не смог.

Самоубийство атамана А. М. Каледина стало для его помощника «толчком» вступления в ряды Добровольческой армии. В феврале 1918 года он назначается командиром пешего Партизанского полка, состоявшего в своем большинстве из донских казачьих офицеров-фронтовиков. Участвовал в 1-м Кубанском («Ледовом») походе, показав личную доблесть: его партизаны-донцы, как казачья пехота, действовали при неудачном штурме кубанской столицы города Екатеринодара бесстрашно, понеся большие потери в людях, но не растеряв боевого духа. Полковой командир в те дни являл собой личный пример мужества.

После переформирования Добровольческой армии в марте 1918 года стал командиром ее 2-й бригады. Она состояла из двух полков – Корниловского ударного и Партизанского, 2-й артиллерийской батареи. После неудачного штурма Екатеринодара и гибели Л. Г. Корнилова новый командующий белой армией генерал-лейтенант А. И. Деникин увел доброволь-

цев с Кубани обратно на Дон. Вскоре там, в южных станицах вспыхнуло восстание против советской власти.

Для белых добровольцев, в которых постепенно стала угасать вера в успех начатого Белого дела, эта весть стала «светлым лучом». Впоследствии генерал Богаевский на одном из заседаний Большого войскового круга скажет: «Я никогда не забуду того счастливого момента, когда семнадцать казаков Егорлыцкой станицы принесли весть, что казаки-донцы поднялись».

С мая 1918 года авторитетный на Дону Богаевский стал у нового войскового атамана П. Н. Краснова председателем Донского правительства (управляющий Отделом иностранных дел и председатель Совета управляющих отделов). Занимался вопросами не только гражданского управления Областью войска Донского, но и обеспечением всем необходимым формирующейся Донской белоказачьей армии.

Богаевский продолжал оставаться сторонником «ориентации на верхи Добровольческой армии». То есть при атамане Краснове, известном идеологе казачьего сепаратизма и «германофильства», продолжал убежденно выступать за организационное единение всех сил Белого дела на Юге России.

28 мая Африкану Петровичу Богаевскому присваивается звание генерал-лейтенанта Генерального штаба. В январе 1919 года он назначается Деникиным председателем Южно-Русского правительства. Пребывание на этом посту оказалось недолгим.

Неудачи на фронте привели к уходу Краснова с атаманства: такое решение принималось небольшим большинством голосов в «донском парламенте». В феврале 1919 года новым войсковым атаманом всевеликого войска Донского экстренно собранный Большой круг избрал генерал-лейтенанта А. П. Богаевского.

Атаманские обязанности не позволяли Богаевскому стать участником тех событий на Южном фронте, которые после провала деникинского наступления на Москву привели к разгрому белых войск на Юге России. Лично Богаевский Донской белоказачьей армией не командовал, делая все от него возможное для ее усиления и сохранения боеспособности. 5 февраля им был подписан следующий приказ:

«…С согласия главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта Деникина, командующим Донской армией назначается генерального штаба генерал Сидорин Владимир.

Начальником штаба Донской армии назначается генерального штаба генерал-лейтенант Кельчевский Анатолий…»

Избрание А. П. Богаевского войсковым атаманом не вызвало в донских кругах, скажем прямо, всеобщего одобрения. У него были многочисленные противники из числа сторонников генерала Краснова, оставившего свой пост под нажимом недовольных им начальствующих людей. И тех, кто стоял за полное единение в действиях с Добровольческой армией А. И. Деникина: это было требование хода Гражданской войны.

В числе таких противников был генерал-майор И. А. Поляков, начальник штаба Донских армий при атамане Краснове, смещенный Богаевским. В своих мемуарах «Донские казаки в борьбе с большевиками» он так описывает смену хозяина в атаманском кабинете:

«…Это избрание в точности отвечало программе, составленной в Екатеринодаре (там находился в те дни деникинский штаб. – *А.Ш.*) и одобренной „верхами“ Круга. Безвольный и бесхарактерный Африкан Петрович как нельзя лучше удовлетворял желаниям Екатеринодара и заправилам Круга.

Весьма примечательно, что, как только донским атаманом стал А. П. Богаевский, на помощь Дону начали немедленно прибывать добровольческие и кубанские части. Нашлись и свободные войска, хватило и подвижного состава.

Донская столица в несколько дней буквально была запружена екатеринодарцами и сразу же резко изменила свою строгую физиономию, превратившись в типичный тыловой город со всеми его отрицательными сторонами.

Вступление генерала Богаевского на атаманское место и прибытие добровольцев было ознаменовано небывалыми лукуловскими пирами. А между тем обстановка на фронте вновь становилась грозной…»

При Богаевском были упразднены 1-я, 2-я и 3-я Донские армии, которые переформировали в четыре отдельных корпуса и свели в единую Донскую армию, командующим которой был назначен инициативный генерал-лейтенант В. И. Сидорин, до этого возглавлявший армейский штаб. Первыми командирами корпусов стали опытные генералы Н. Н. Алексеев, А. С. Секретов, М. М. Иванов и К. К. Мамантов. Теперь Донская армия исполняла приказы, исходившие из штаба Деникина, ее недавняя «автономия» при войсковом атамане Краснове быстро забылась.

Слабостью Донской армии было то, что казаки не желали в ходе Гражданской войны уходить с родного «тихого Дона», чем заметно снижались боеспособность Донской армии в целом и ее эффективность в решении задач, стоявших перед Вооруженными силами Юга России. Войсковому атаману приходилось проявлять и твердость, и настойчивость, чтобы искоренять такую слабость в донцах-фронтовиках. Удавалось же достичь желаемого не всегда. За пределами тихого Дона белоказаки уже не проявляли известной стойкости в боях, как при защите родных станиц и хуторов.

Богаевскому и Сидорину удалось достаточно быстро восстановить боеспособность донских белоказачьих войск, насчитывавших более 50 тысяч штыков и сабель. Но им пришлось в отступлении откатиться к самому Новочеркасску. Новое наступление белых началось во время Вешенского (Верхне-Донского) восстания, когда донцы и повстанцы в мае 1919 года соединились в районе станицы Казанской. После этого белые перешли в новое наступление.

В мае 1920 года соратник Богаевского дважды георгиевский кавалер Сидорин был обвинен в сочувствии казачьему сепаратизму и по приказу П. Н. Врангеля был предан военному суду и приговорен к 4 годам каторги. Врангель заменил этот приговор увольнением бывшего командующего Донской армией из своей Русской армии.

Чтобы покончить с «казаками-реакционерами», председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий издал приказ № 100 от 25 мая 1919 года. В нем категорически требовалось:

«Гнезда бесчестных изменников и каинов должны быть разорены. Каины должны быть истреблены…»

Этот приказ, вернее его кровавое исполнение в казачьих станицах и хуторах, позволил командованию Донской армии заметно укрепить ее ряды, повысить стойкость казаков в тяжелых боях. Атаман войска Донского Богаевский возлагал большие надежды на начавшееся наступление Вооруженных сил Юга России в направлении Москвы.

Был проведен рейд 4-го Донского конного корпуса (6 тысяч сабель, 3 тысячи штыков, 12 орудий, 7 бронепоездов, 3 броневика) генерал-лейтенанта К. К. Мамантова по тылам Красной Армии. Белоказаками были взяты Тамбов, Козлов (ныне Мичуринск), Лебедянь. Но Мамантов не выполнил деникинский приказ идти на Воронеж, чтобы взять его.

Для борьбы с мамантовским рейдом председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий создал особый Внутренний фронт во главе с М. М. Лашевичем и объявил на военном положении шесть губерний – Тамбовскую, Пензенскую, Воронежскую, Орловскую, Тульскую и Рязанскую.

Мамантов привел с собой назад пополнение в пять тысяч человек, большей частью конных. В одном только Тамбове он сумел сформировать и вооружить захваченными трофеями два полка – Офицерский и Крестьянский по 1600 штыков каждый. 40-дневный рейд

белоказачьей конницы, по сути дела, сорвал августовское наступление Красной Армии на Юге России. Англичане, союзники старой России по Антанте, прислали генералу Мамантову поздравительную телеграмму:

«…Генералу Мамантову… Шлем вам поздравления по поводу ваших блестящих успехов.

Ваш рейд войдет в историю военного искусства и явится предметом восторга и зависти для каждого боевого офицера, любого рода оружия и любой армии мира».

…Осенью ситуация на Южном фронте резко изменилась; началось наступление Красной Армии. К 1 октября 1919 года Донская армия уменьшилась до 26 тысяч человек. Она неудачно провела против красных бои у Ростова и Новочеркасска и начала отход из Области войска Донского на Кубань. Историк Валерий Клавинг писал о тех событиях:

«…Разгром донской конницы в феврале 1920 у Егорлыкской (генерал Павлов А. А.) лишь подтвердил усталость и нежелание донских казаков продолжать войну, не говоря уже о фатальной ошибке самого Павлова – вести казачьи войска по открытой степи в лютый мороз (доходивший до 30 градусов. – *А.Ш.*) и насквозь продуваемую ледяным ветром через эту степь – „долину безмолвия“».

Атаман А. П. Богаевский проделал вместе с остатками Донской армии, силы которой теперь не превышали корпусного состава, весь путь отступления с боями от Новочеркасска до Новороссийска. Часть казаков при отступлении, из-за опасения красного террора, захватила с собой семьи, которых впереди ожидала сама безвестность.

Оказавшись на черноморском побережье, белые донцы были вынуждены выбирать для себя – или уходить в Крым, или отступить в Грузию. Эвакуироваться из Новороссийска могли далеко не все войска, отступившие к самому берегу Черного моря. Казаков страшила сама мысль о том, что им придется остаться без коней.

Но социал-демократическая (меньшевистская) Грузия не имела достаточных средств пропитания для самой себя, не говоря уже о том, чтобы обеспечить продовольствием и фуражом десятки тысяч вооруженных людей и их лошадей. Тифлис ответил на такую просьбу деникинского командования полным отказом. Все же часть белоказаков в отступлении перешла грузинскую границу. На «чужой» стороне им пришлось большей частью сложить оружие. Лишались они и своих верных коней. Меньшевистская Грузия к белым симпатии не испытывала.

О последних днях существования Донской армии как таковой историк-белоэмигрант казачий офицер А. А. Гордеев в созданной им «Истории казаков» рассказывает в таких словах:

«…23 марта были получены сведения, что Деникин сдал командование генералу Врангелю. По вопросу переброски частей в Крым атаман Богаевский ответил:

„Не знаю, что делать? Или перевозить корпус в Крым, или самому ехать на побережье“.

Причинами было то, что разрыв казаков с добровольцами был вполне определившимся, и настолько, что генерал Врангель решил на все донское имущество, прибывшее в крымские порты, наложить свою руку.

Атаман Богаевский категорически заявил, что если он (то есть Врангель) посмеет это сделать, то он отдаст приказ о выводе с фронта всех казаков. Инцидент был улажен.

Кроме этих отношений стояла еще проблема: возможна ли и оборона Крыма? Все эти проблемы и заставляли атамана колебаться.

…Из Крыма прибыли военные суда для погрузки казаков и перевозки их на полуостров. Но погружены были лишь люди, решившие расстаться со своими боевыми товарищами – конями, так как перевозка могла производиться без лошадей и конского снаряжения…»

В марте 1920 года донской атаман генерал-лейтенант А. П. Богаевский прибыл в Крым, оставаясь при бароне Врангеле до ноября месяца, когда вместе с остатками врангелев-

ской Русской армии морем эвакуировался с Крымского полуострова в Турцию. Там казаки-донцы оказались в Галлиполийском лагере, будучи в скором времени разбросаны судьбой по белому свету. Их отличала станичная спайка и единила мечта возвратиться в Отечество, на тихий Дон. Возвратиться не иначе как с оружием в руках.

…Оказавшись в эмиграции, генерал А. П. Богаевский не отказался от мысли создать союз трех южных казачьих войск и сформирования объединенного правительства Дона, Кубани и Терека. Речь шла о некоей казачьей государственности. Белоказаки еще надеялись на свое возвращение на историческую родину и «реанимацию» их старой России, которая уже сошла с исторической сцены.

1 января 1921 года в Константинополе (Стамбуле) было заключено соглашение между казачьими войсками Дона, Кубани и Терека. Речь шла об объединении краевых властей Юго-Востока России. Участники того совещания обратились к казачеству с публичным заявлением, в котором среди прочего говорилось:

«…Российская действительность осени 1917 года не могла не вселять тревоги в сердца деятелей казачьего Юго-Востока. В армии началось опасное брожение, несомненные признаки разрушения фронта. Государственная власть заколебалась.

В целях защиты государственности, свободы и народоправства необходимо было организовать живые силы страны. Представители Дона, Кубани и Терека, степных и горских народов Юго-Востока России на конференциях в Новочеркасске, Екатеринодаре и Владикавказе решили образовать Юго-Восточный Союз. Но события опередили стремления казачества.

В России был произведен большевистский переворот, прежде чем Союз успел провести до конца собственную организацию и, объединив стремившиеся к нему здоровые элементы страны, в полной мере использовать их. Дон, Кубань и Терек, всегда идейно братски объединенные, принуждены были разрозненно вступить в неравную борьбу.

Поддержанные затем русскими антибольшевистскими силами, казаки свыше трех лет продолжают эту борьбу, которая препятствовала творческой работе по установлению прочного государственного строя на демократических началах. Тем не менее, народы Юго-Востока успели установить в своих краях власть, организованную на принципах полного народоправства и приступили к проведению в жизнь главнейшей основы социального строительства – земельной реформы.

Вместе с тем не оставлялась мысль об объединении. Неоднократно высшие законодательные органы Дона, Кубани и Терека в постановлениях своих указывали на необходимость скорейшего осуществления прочного союза. Год тому назад был созван Верховный Круг из представителей Донского и Терского Войсковых кругов и Кубанской Краевой Рады для установления основ и образования союзной власти.

Обстановка на фронте помешала и на этот раз завершить объединение Юго-Востока; боевое счастье оставило казаков, и они вынуждены были покинуть пределы родины.

В настоящее время на территории Юго-Востока России введен советский режим. Большевики жестокими мерами стремятся внедрить в жизнь коммуну. Вольное казачество, привыкшее к самобытному жизненному укладу, не может помериться с большевиками и не приемлет власть советов.

До 50 000 строевых казаков с большим количеством беженцев-стариков, женщин и детей предпочли лишения и тяготы скитания вне родины жизни под управлением комиссаров. Сведения, получаемые с Дона, Кубани и Терека, говорят о непрекращающихся восстаниях против советской власти, массовом бегстве казаков в леса и горы и окончательном расстройстве народного хозяйства.

Атаманы и Правительства Дона, Кубани и Терека считают своим священным долгом не оставлять без деятельной помощи население своих краев.

Мужественно перенося выпавшие на их долю тяжкие испытания, казаки твердо верят в скорое возрождение России. Мысля Будущую Россию построенной на демократических федеративных началах, казаки, считая необходимым продолжение вооруженной борьбы с советской властью при полном единении всех русских сил и сохранении единого военного командования, будут безусловно отстаивать право устраивать жизнь своих краев на основаниях полного народоправства и здорового экономического развития.

В стремлении наилучшего и наискорейшего достижения указанной цели Атаманы и Правительства Дона, Кубани и Терека решили приступить без всякого промедления к осуществлению давнишних желаний своих народов и заключили соглашение, полный текст которого объявляют:

Перед лицом тяжелых испытаний, выпавших на долю казачества, полагая, что только в тесном уединении может быть найден достойный для него выход, Атаманы и Правительства Дона, Кубани и Терека, выполняя давнишние чаяния своих народов, неоднократно выраженные в постановлениях Войсковых Кругов и Рады, заключили настоящее соглашение.

1. Дон, Кубань и Терек, сохраняя неприкосновенно свои конституции – по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и общеполитическим действуют объединенно.

Примечание: Впредь до возвращения в свои края заботы об устройстве беженцев составляют также предмет объединенных усилий.

2. Все вопросы, указанные в п. 1, разрешаются в Объединенном Совете Дона, Кубани и Терека, в состав которого входят Войсковые Атаманы и Председатели правительств.

3. Все сношения, исходящие от Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека, производятся одним из атаманов по уполномочию Совета.

4. Развитие настоящего соглашения производится путем дополнительных частных соглашений.

5. Настоящее соглашение имеет быть внесено на утверждение Больших Войсковых Кругов и Краевой Рады, но вступает в силу тотчас по его подписании.

Учинено в трех экземплярах в Константинополе, 1 (14) января 1921 года.

Подлинное подписали:

Донской Атаман Генерал-Лейтенант Богаевский.

Председатель Донск. Правительства Ген. – Майор Апостолов.

Кубанский Атаман Генерал-Майор Науменко.

Председатель Кубанского Краев. Правительства Д. Скобцов.

Терский Атаман Генерал-Лейтенант Вдовенко.

Председатель Терского Правительства Е. Буканский».

Этот документ интересен в первую очередь тем, что А. П. Богаевский, как войсковой атаман Дона, его соратники по Белому делу на Юге России не собирались складывать оружия в борьбе против власти Советов. Хотя им тогда было уже ясно, что Гражданскую войну белые красным проиграли.

Но надежды на возвращение в Отечество у белоказаков оставались, поскольку в покинутой ими стране внутренняя ситуация продолжала оставаться сложной. В разных частях Советской России полыхали крестьянские восстания, на которые власть отвечала беспощадным массовым террором. В казачьих областях еще действовали многочисленные, пусть и разрозненные группы белых и «зеленых», которые в сводках НКВД именовались не иначе как «бандформирования». На Кубани последние казачьи восстания вспыхивали в 30-х годах.

И самое главное: ушедшие в эмиграцию остатки белых армий еще сохраняли свою организованность и единое командование. Богаевский, атаманы Науменко и Вдовенко считали донские, кубанские и терские воинские части неотъемлемой частью Русской армии генерал-лейтенанта Врангеля.

Оказавшись на чужбине старшим среди донцов-эмигрантов, А. П. Богаевский делал все от него зависящее, чтобы казаки с Дона «не потерялись», не расстроили свои ряды. Было организовано их переселение в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, будущую Югославию), в Болгарию. Оттуда судьба их вскоре разбросала по всему белому свету.

Сам белоэмигрант Богаевский в итоге оказался во французской столице. Активно сотрудничал с РОВСом. Оставил после себя мемуары «Воспоминания генерала А. П. Богаевского. 1918. „Ледяной поход“», которые были изданы Союзом первопоходников в 1963 году в Нью-Йорке. До самой смерти оставался почетным председателем Объединенного совета казачьих войск Дона, Кубани, Терека и Астраханской области.

Последний атаман донского казачества Африкан Петрович Богаевский скончался в Париже 21 октября 1934 года. Был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Путь в столицу Франции лежал для генерала-белоэмигранта через Константинополь, Софию, Белград.

…Генерал-лейтенант А. П. Богаевский до самых своих последних дней оставался для донцов-белоэмигрантов признанным войсковым атаманом. Ни он, ни они не теряли друг с другом связей. Лучшее свидетельство тому – письмо Богаевскому казака станицы Чертковской войскового старшины Коржева, ныне хранящееся в Центральном архиве ФСБ РФ:

«24 марта 1923 г. Бейрут

Ваше превосходительство!

Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой.

Если у Вас имеются сведения о генерал-лейтенанте Фицхелаурове (последнее время в Галлиполи командир сводного донского казачьего полка), полковнике Калинине и войсковом старшине Страхове (последнее время в Галлиполи офицеры сводного донского казачьего полка), покорнейше прошу сообщить мне с их адресами.

До 5 августа 1922 г. все они были в Галлиполи в сводном донском казачьем полку, из которого я выбыл того же 5 августа. Позже сведений о них не имел. Много раз писал, но ни оттуда о них сведений получить не мог.

Я живу в Сирии, где живут еще, как мне известно, 5–6 донцов. Три, в том числе и я, служим у французов – два маганизерами, и один механиком, остальные с полковником П… на Евфрате ловят рыбу.

Всего русских в Сирии человек 200.

В общем, живут – ничего.

Относительно прилично устроены те, кто работает у французов – полуинтеллигентый труд и оплачивается выше, чем у частных предпринимателей.

Страшно тяготит полнейшая неизвестность о положении дел на Дону и среди донцов за границей. Мы трое живем вместе и никто из нас пока с Доном не списался. Да и что узнаешь оттуда? О нищите, только!

Покорнейше просим Вас, хотя бы вкратце, информировать нас о жизни донцов, как там на далеком тихом Дону, так и здесь на чужбине.

Какие перспективы? Настроение?

Мы с горечью слышим, что многие тянуться домой. Что с ними?

Войсковой старшина Коржев

(казак станицы Чертковской)

Мой адрес…»

Атаман Донского казачьего войска в эмиграции, бывший генерал-лейтенант русской армии А. П. Богаевский, спустя много лет после окончания Гражданской войны в России, сказал слова, которые стали для покинутого им Отечества пророческими:

«…Какова бы ни была будущая власть на Руси, Казачьи войска будут существовать.

Здравый смысл подсказывает, что государству нужно здоровое, бодрое, привыкшее к порядку население.

Казачество подчинится всякой власти, которая даст порядок и возможность спокойно трудиться».

Врангель Петр Николаевич Создатель РОВС из белой Русской армии в эмиграции

Будущий «черный барон» Гражданской войны в России родился в 1878 году в городе Ново-Александровске Ковенской губернии (ныне Литва). Происходил из древнего остзейского рода, который вел свою родословную с XIII века. Врангели владели поместьями в Лифляндии и Эстляндии, баронское достоинство получили в 1653 году. Они служили Ливонскому ордену, монархам Швеции, прусскому королю Фридриху II в войнах против Наполеона.

Подсчитано, что в шведской армии Карла XII служило 79 баронов Врангелей, 13 из них было убито в битве под Полтавой, семеро умерло в русском плену. После Северной войны, когда Лифляндия и Эстляндия отошли к России, Врангели стали служить новому Отечеству. На русской военной службе в генеральских и адмиральских чинах (один был генерал-фельдмаршалом прусской короны) числилось двадцать Врангелей, в том числе один граф и пятнадцать баронов, два полных адмирала.

Отец П. Н. Врангеля, отказавшись от военной карьеры, стал директором страхового общества «Эквитэбль» в Ростове-на-Дону. Петр Врангель закончил там Ростовское реальное училище, после чего поступил в столичный Горный институт и вышел из его стен в 1900 году с дипломом горного инженера. В Санкт-Петербурге барон был принят в высшем свете.

После окончания института он отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся 1-го разряда в лейб-гвардии Конном полку. В 1902 году выдержал испытание на чин корнета и был записан в запас кавалерии гвардии. Непродолжительное время офицер-запасник служил в Иркутске чиновником для особых поручений при местном генерал-губернаторе.

Судьбу Врангеля изменила начавшаяся Японская война: он добровольцем отправляется в действующую армию. Воюет в отряде генерала Ренненкампфа, в Отдельном дивизионе разведчиков. Сумел проявить лучшие черты кавалерийского офицера, личную храбрость и решительность. Был награжден двумя боевыми орденами и досрочным присвоением звания подъесаула Забайкальского казачьего войска.

В мае 1907 года Петр Врангель возвращается в ряды лейб-гвардии Конного полка в чине поручика и поступает в Академию Генерального штаба, которую успешно окончил в 1909 году. В следующем году оканчивает еще Офицерскую кавалерийскую школу. Вскоре после возвращения в родной полк становится командиром «шефского» эскадрона Его Величества.

Карьера военного человека, принятого в высшем обществе, складывалась удачно. Став ротмистром, он создает семью, женившись на фрейлине императрицы дочери камергера Высочайшего двора Ольге Иваненко. Врангель, как семьянин, был счастлив, у супругов на свет появились две дочери и два сына (младший родился уже в эмиграции).

С началом Первой мировой войны гвардия отбывает на фронт. В первом же бою 1-й гвардейской кавалерийской дивизии эскадронный командир совершает подвиг. 6 августа 1914 года его конногвардейцы в конном строю берут позицию германской артиллерийской батареи. Все офицеры эскадрона убиты, есть потери среди нижних чинов, а ротмистр Врангель цел и невредим.

За лихую атаку у деревни Каушен в Восточной Пруссии и выигранный бой Петр Врангель высочайшим приказом награждается орденом Святого Георгия 4-й степени. В декабре первого военного года производится в полковники (чина подполковника в кавалерии гвар-

дии не было) и жалуется во флигель-адъютанты свиты Его Величества. В июне 1915 года за отличия в рядах лейб-гвардии Конного полка получает Георгиевское оружие.

В октябре 1915 года полковник П. Н. Врангель получает в командование 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска, входивший в состав Уссурийской казачьей дивизии. С ним в полку служили два человека, имена которых получили в годы Гражданской войны известность на Дальнем Востоке – будущий атаман Семенов и барон Унгерн фон Штернберг.

За блестящую атаку 22 августа 1916 года в Лесистых Карпатах полк Врангеля получает высокую награду в русской армии – его шефом становится наследник цесаревич Алексей Романов. Полковой командир был ранен и отправлен на лечение в Петроград. Там он, как флигель-адъютант, на некоторое время был назначен дежурным офицером при императоре, получив право обедать с царской семьей.

В декабре 1916 года Врангель назначается командиром бригады Уссурийской дивизии, которой командовал генерал А. М. Крымов. В январе 17-го, в 39 лет, «за боевые отличия» производится в генерал-майоры. Вскоре дивизия была переброшена на Румынский фронт, в Бессарабию. Врангель становится ее начальником. Там генерал-монархист встретил известие об отречении императора Николая II от престола.

Барон Врангель не скрывал своих монархических взглядов. Поскольку он не соответствовал «духу времени», ему пришлось в апреле 17-го года покинуть пост начальника Уссурийской казачьей дивизии. Но уже в июле его назначают командиром Сводного кавалерийского корпуса в составе 7-й кавалерийской и 3-й Кавказской дивизий. Во время летнего отступления 7-й и 8-й армий Юго-Западного фронта корпус, действуя на их стыке, удачно провел жестокие арьергардные бои на реке Збруч, десять дней «держа» фронт. Как писал сам П. Н. Врангель, в той ситуации ему удалось «достичь психологического единства» с подчиненными ему войсками.

За бои на Збруче генерал-майор Врангель «постановлением наградных Дум сводного конного корпуса» награждается солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. Награждения офицеров и военачальников солдатскими «Егориями» было введено Временным правительством в порядке «Демократизации армии». О такой боевой награде Врангель в своих мемуарах по неизвестной причине не упоминает.

В августе 17-го Врангель получил приказ Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии А. Г. Корнилова выслать в распоряжение командующего 3-м конным корпусом генерала Крымова из состава 3-й Кавказской дивизии Осетинский и Дагестанский конные полки. Но выполнить этот приказ Врангелю не удалось, поскольку «корниловский мятеж» был уже подавлен.

Чистка армейских рядов от корниловцев, устроенная Временным правительством, не коснулась барона Врангеля. Более того, он получил приказ А. Ф. Керенского принять командование над стоявшим под Петроградом 3-м конным корпусом, то есть заменить Крымова. Когда Врангель прибыл на новое место службы, то оказалось, что место покончившего с собой Крымова уже занял генерал П. Н. Краснов.

Врангель остался без места. Октябрь он встретил в могилевской Ставке, куда был вызван в ожидании нового назначения. Генерал уезжает в Крым, где находилась его семья. Жить пришлось на доходы от имения родителей его жены. Участия в организации Белого движения Врангель, как то ни странно, не принимал.

В Крыму барон пережил три власти – «Крымское татарское национальное правительство», «Таврическую советскую республику» и германскую оккупацию. Первая предложила ему возглавить войска Крыма, но он отказался. Вторая посадила генерала в плавучую тюрьму на борту миноносца, из которой его выручила жена, добровольно пошедшая за ним,

хотя в ту ночь в Ялте было расстреляно больше ста человек. Семье Врангелей пришлось укрыться в горных татарских селениях.

В апреле 1918 года Крым оккупировали германские войска. О их приходе П. Н. Врангель вспоминал так: «Я испытывал странное, какое-то смешанное чувство. Радость освобождения от унизительной власти хама и большое чувство обиды национальной гордости».

Когда в Киеве к власти пришел сослуживец барона по лейб-гвардии Конному полку гетман Скоропадский и возникла Украинская Держава, Врангель навестил его. Гетман предложил Врангелю стать при нем начальником штаба. Тот взял время на обдумывание. Во время очередного визита в Киев состоялась встреча с генералом А. М. Драгомировым, служившим в деникинской Добровольческой армии. Он и пригласил «остававшегося не у дел» боевого кавалерийского генерала в Екатеринодар.

Врангель прибыл туда с семьей, найдя в Екатеринодаре много знакомых офицеров. Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант А. И. Деникин предложил ему временное командование 1-й конной дивизией. Ее начальник Е. Г. Эрдели находился в служебной командировке в Грузии. Барон П. Н. Врангель отправился к первому своему месту службы в белой армии в станицу Темиргоевскую, где размещался дивизионный штаб. 31 августа 1918 года он принял командование дивизией.

1-я конная дивизия (на то время в Добровольческой армии их было три) действовала на Майкопском направлении. В ее состав входили 1-й Уманский, 1-й Запорожский, 1-й Ектеринодарский и 1-й Линейный полки из кубанских казаков войсковых Ейского, Екатеринодарского и Лабинского отделов, Корниловский конный полк, состоявший из казаков, участников 1-го Кубанского («Ледяного») похода, Черкесского конного полка, пластунского батальона и трех артиллерийских батарей. В дивизии почти полностью отсутствовали средства связи, санитарная часть. Патроны и снаряды большей частью добывались в боях у красных как трофеи или изредка поступали с Дона от атамана Краснова.

Впоследствии мемуарист-белоэмигрант П. Н. Врангель так оценил состояние вверенной ему дивизии белой конницы: «Казаки каждый в отдельности дрались хорошо, но общее обучение и командование хромали». Противник же, по его мнению, дрался упорно, но общее управление красными войсками было из рук вон плохо.

Врангель попытался продемонстрировать свое умение командовать кавалерией. Под Армавиром он лично повел полки в лихую атаку в конном строю, но белоказаки, попав под жестокий огонь, за ним не пошли и отступили. 1-ю конную дивизию на позиции сменила пехотная дивизия генерала Дроздовского, но и ей фронтальная атака не удалась. Врангель собрал свою конницу в кулак и обошел красных с фланга, но те, отразив дроздовцев, зашли ему в тыл. Положение спасла соседняя дивизия генерала Покровского, после ее удара красные отступили.

В эмиграции Врангель вспоминал о тех тяжелых боях под Армавиром: «Редко мне за продолжительную службу пришлось бывать под таким огнем. Части за мной не пошли. Значит, они еще не были в руках, отсутствовала еще и та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха…»

Армавирские бои стали переломными для белых в борьбе за Кубань, за Северный Кавказ. Врангель, как военачальник, понял суть еще не достигшей своего пика Гражданской войны на Юге России. Он писал: «С этого дня война переносилась в поле, где на первый план выдвигается не численность, а искусство маневра. С этого дня начинается победоносное наступление наше, закончившееся полным поражением противника и очищением всего Северного Кавказа».

В боях на реке Уруп 1-я конная дивизия взяла три тысячи пленных и богатые трофеи. Врангель приказал весь командный состав до отделенных командиров расстрелять, а осталь-

ным пленным тут же выдали оружие и поставили в ряды дивизионного пластунского батальона. Вскоре он был развернут в стрелковый полк, который прошел с белыми до Царицына.

Успешно закончились для белых бои за город Армавир. Потом Врангель и его казачья конница отличились в 28-дневном сражении за Ставрополь. 6 ноября генерал-майор барон П. Н. Врангель назначается командиром 1-го конного корпуса, в состав которого вошли его дивизия и 2-я Кубанская дивизия полковника Улагая. Началось преследование разбитых на Северном Кавказе частей Красной Армии в холодных ставропольских и ногайских степях.

За бои под Ставрополем Врангель производится в генерал-лейтенанты. Его белоказачья конница в тех боях захватила две тысячи пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. Успеху сопутствовало то, что белые перехватили приказ командования противника об общем наступлении и за несколько часов его начала сами перешли в решительную атаку. И победа была одержана при почти полном израсходовании боеприпасов.

Личный авторитет П. Н. Врангеля в белоказачьих войсках был высок. Ряд станиц Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск избрали его в «почетные» казаки. В феврале 1919 года Кубанская рада награждает боевого генерала орденом Спасения Кубани 1-й степени.

После заключения союзного договора со всевеликим войском Донским генерал-лейтенант А. И. Деникин становится главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. За три дня до наступления нового, 1919 года Врангель назначается командующим Добровольческой армией, а 10 января – Кавказской Добровольческой армией, в своей массе состоявшей из кубанцев – конных полков и пластунских батальонов.

На начало лета 1919 года белая Кавказская армия состояла из следующих корпусов:

– 1-го Кубанского генерал-лейтенанта В. Л. Покровского (1-я Кубанская и 2-я Терская (Горская) дивизии);

– 2-го Кубанского корпуса генерал-майора С. Г. Улагая (2-я и 3-я Кубанские дивизии, 3-я Кубанская пластунская бригада);

– 4-го Конного корпуса генерал-лейтенанта П. Н. Шатилова (1-я конная и Астраханская дивизии);

1-го Сводно-Донского корпуса генерал-майора В. З. Савельева (4-я и 13-я Донские дивизии);

отдельных дивизий: 6-я пехотная и Атаманская (Донская);

Отдельной Астраханской бригады.

Состав Кавказской армии за время командования ею бароном П. Н. Врангелем постоянно менялся, но основа сил – кубанское казачество – оставалось неизменным. Это была преимущественно конная армия, хорошо организованная для маневренных действий в южных степях. Она оказалась малопригодной для осады и штурма укрепленного Царицына, известного в истории Гражданской войны как «Красный Верден».

В ходе последних боев на Северном Кавказе Врангель, постоянно пребывавший в войсках, заболел сыпным тифом. Командование армией временно принял генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович. Болезнь протекала в тяжелой форме, мало оставляя надежд на выздоровление. Супруга (она заведовала госпиталем в Екатеринодаре) не отходила от постели больного. Кризис миновал только на семнадцатые сутки, и все обошлось удачно, если учесть многотысячные потери белой и красной армий от эпидемий сыпного тифа во все годы Гражданской войны.

Для поправки здоровья супруги уехали в Сочи, но вскоре им пришлось перебраться в Екатеринодар. По словам Врангеля, Сочи постоянно подвергались угрозе нападения с гор банд «зеленых», которых поддерживали грузинские войска. Врангель вернулся в армию, когда начались бои на Маныче.

Деникин не свел белую конницу в единый атакующий кулак, чем умело пользовалось командование противной стороны. Начальник его штаба генерал Романовский предложил Врангелю объединить под своим командованием всю стянутую на Маныч белоказачью конницу и разбить красных. Врангель вспоминал в эмиграции:

«Я охотно согласился, ясно сознавая, что это единственная возможность закончить, наконец, бесконечно затянувшуюся операцию. Радовала меня и возможность, непосредственно руководя крупной массой конницы, разыграть интересный и красивый бой».

Прибыв на Маныч, Врангель понял, что причина прежних неудач кроется в невозможности переправить через мелкую реку с ее топкими берегами артиллерию. Он приказал из деревянных заборов сколотить щиты и уложить их на речное дно. Артиллерия перешла по ним на противоположный берег Маныча без сложностей. Красная кавалерия Думенко была разбита и отступила, оставив белым за три дня боев около 15 тысяч пленных, 55 орудий и 150 пулеметов. Этому успеху в немалой степени способствовала атака красной конницы белой авиацией в числе сразу 8 аэропланов.

Разгромив советские войска на Манычском фронте, чему в немалой степени способствовала вспыхнувшая в их рядах эпидемия сыпного тифа, армия Врангеля начала продвижение к Царицыну. Именно в этот период между Деникиным и Врангелем начались серьезные разногласия. Первый считал главные усилия направить на харьковском направлении и в перспективе наступать на Москву. Второй настаивал на поход в Поволжье для соединения с тогда успешно наступавшей армией адмирала Колчака, чтобы создать с ним единый фронт. Пока же этот фронт единился по линии расселения астраханского и уральского казачества.

Деникин, как главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, остался при своем мнении, начав воплощать свой стратегический замысел. Между ним и Врангелем возникла первая «натянутость». Рано или поздно она должна, перерастая во взаимоотношениях во взаимную нелюбовь, была разрешиться конфликтом, что и случилось в недалеком времени, в начале 1920 года.

Бои не утихали. В итоге 150-тысячная Красная Армия на Северном Кавказе была разгромлена. Немногие конные отряды ушли в Астраханскую степь, пехота же, артиллерия и обозы достались белым. На подступах к городу Кизляру на 25 верст тянулись брошенные воинские эшелоны. Счет трофейным орудиям пошел на сотни, пленных красноармейцев – на десятки тысяч, боеприпасов и военного имущества – на целые эшелоны. Разъезды врангелевской казачьей конницы вышли к берегу Каспийского моря.

Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель объявил поход на красный Царицын, запиравший собой Волжский путь в сердце России:

«Приказ
Кавказской армии
№ 1
8 мая 1919 г. Станица Великокняжеская.

Славные войска Манычского фронта.

Волею Главнокомандующего, генерала Деникина, все вы объединены под моим начальством и дано нам имя „Кавказская армия“.

Кавказ – родина большинства из вас. Кавказ – колыбель вашей славы…

От Черного и до Каспийского моря пронесли вы, гоня перед собой врага, – палящий зной и стужа, горы Кавказа и безлюдные ставропольские степи не могли остановить вас, орлы…

Орлиным полетом перенеслись вы и через пустынную степь калмыков к самому гнезду подлого врага, где хранит он награбленные им несметные богатства, – к Царицыну, и вскоре напоите усталых коней водой широкой матушки-Волги…

Генерал Врангель».

Войска Кавказской армии продолжали наступать, преследуя разбитого противника, в направлении пока еще далекого Царицына. В мае 1919 года белые захватили Котельниково и форсировали реку Курмоярский Аксай. Барон Врангель явно не справлялся с руководством армейскими корпусами из-за почти полного отсутствия средств связи, если не считать «летучей» (конной) связи. В итоге 1-й Кубанский корпус генерала Покровского вырвался далеко вперед, оторвавшись от 2-го Кубанского корпуса генерала Улагая.

Красному командованию об этом стало известно, и оно нанесло удар крупными силами в образовавшийся разрыв. В ходе боев у белых оказалась разгромленной 6-я пехотная дивизия (ее командир генерал Патрикеев был убит). Положение спасла вовремя подоспевшая 2-я Кубанская дивизия генерала Репникова, отбросившая советские войска на север.

Войска Кавказской армии прошли 300 верст пути по степи и за три недели вышли на ближние подступы к Царицыну, который был опоясан несколькими линиями обороны. Белая конница силой в три корпуса город взять не смогла. Под городом завязались тяжелые бои. Наконец, к Врангелю прибыла обещанная Деникиным помощь – 7-я пехотная дивизия генерала Н. Э. Бредова, 4 танка и бронепоезда.

Решающий штурм Царицына начался 16 июня. Танки, которые сопровождали три бронеавтомобиля, смяли проволочные заграждения, фронт красных был прорван, в прорыв устремилась пехота и конница. Первыми ворвались в город белоказаки-кубанцы генерала Улагая. «Красный Верден», так много значащий в истории Гражданской войны на Юге России, пал. Советские войска спешно отступали от него берегом Волги на север.

За сорок дней наступления от Маныча до Царицына белая Кавказская армия взяла 40 тысяч пленных, 70 орудий, 300 пулеметов, два бронепоезда «Ленин» и «Троцкий». 19 июня Деникин и Врангель прибыли в Царицын, сделав там смотр войскам.

Победа далась белым ценой больших потерь. Начавшийся поход на Москву еще более обескровил Кавказскую армию: из нее была взята 7-я пехотная дивизия. Врангель опять почти не имел пехоты. Белоказачьи корпуса, сохраняя большой боевой дух, двинулись в поход на север берегом Волги. К тому времени армии Верховного правителя адмирала А. В. Колчака после ряда поражений стали отступать и о создании единого белого фронта уже не могло быть и речи.

Красная Армия в полосе наступления армии Врангеля усиливала сопротивление. Более трех недель шли бои за город Камышин, взятие которого стало апогеем в боевых действиях обескровленной Кавказской армии в Поволжье. Захват около 13 тысяч пленных не давал белым перспектив дальнейшего продвижения вверх по Волге: казачьи полки уже имели только треть своего прежнего состава; резервов не было.

Тем временем у верховного командования Советской России появилась возможность перебросить с Восточного фронта против сил Деникина войска 2-й и 4-й армий, так как необходимость их пребывания в Сибири уже отпала. Колчаковские войска откатывались все дальше по линии Транссиба к Забайкалью. 10-я Красная Армия и 1-я Конная армия Буденного, получив значительные подкрепления (в том числе за счет мобилизаций в прифронтовой полосе), начали контрнаступление на Кавказскую армию.

Камышин белые сдали без боя, отступив к Царицыну. Теперь город штурмовали красные. Врангелю удалось при помощи танков в тех боях разбить пехоту противника, и его отступавшие войска воспрянули духом. Белые взяли под Царицыном 18 тысяч пленных, 31 орудие и 180 пулеметов. В том же сентябре красные повторили штурм города, но были отбиты. Не удалась попытка высадить в городскую черту и закрепиться там десанту с кораблей красной Волжской флотилии.

Последнему крупному успеху в действиях белой Кавказской армии у Царицына в немалой степени способствовало то, что 1-я конная армия Буденного была переброшена на запад, к Новохоперску, для разоружения советской 2-й конной армии Миронова. Тем временем

разбитые войска Деникина, «ходившие на Москву», отступили к Ростову и Новочеркасску. Левый фланг Кавказской армии оказался открытым.

Врангель уже не мог исполнить приказ главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта А. И. Деникина возобновить наступление. Врангель выехал в его штаб и там добился приказа его армии перейти к обороне. Ситуация на фронте для белого командования оставляла желать лучшего. Барон, посетив деникинский штаб, пришел к выводу, что в стане Белого дела развал. Он писал о том так:

«На огромной занятой войсками территории Юга России власть фактически отсутствовала. Неспособный справиться с выпавшей на его долю огромной государственной задачей, не доверяя ближайшим помощникам, не имея сил разобраться в умело плетущейся вокруг его сети политических интриг, генерал Деникин выпустил эту власть из своих рук. Страна управлялась целым рядом сатрапов, начиная от губернатора и кончая любым войсковым начальником, комендантом и контрразведчиком…

Понятие о законности совершенно отсутствовало…

Каждый действовал по своему усмотрению, действовал к тому же в полном сознании своей безнаказанности…

Хищения и мздоимство глубоко проникли во все отрасли управления».

Деникин пытался спасти Добровольческую армию от полного поражения сменой ее командующего. 26 ноября генерал-лейтенант П. Н. Врангель сменяет на посту ее командующего генерала Май-Маевского, передав командование Кавказской армией генералу Покровскому.

Тем временем в деникинском тылу, в Екатеринодаре, назревали достаточно странные для Гражданской войны события. Кубанская рада, говоря о «кубанской демократии», стала заявлять о «самостийности» области. Когда делегация ее членов в Париже заключила, по сути дела, предательский договор с правительством несуществующей «Горской Республики», терпение второго по счету Верховного правителя России генерала А. И. Деникина кончилось. Выполняя его приказ, Врангель и Покровский разогнали Кубанскую раду, предав военно-полевому суду двенадцать депутатов-«самостийников». Глава «парижской делегации» А. И. Калабухов был публично повешен в Екатеринодаре.

Добровольческая армия не смогла удержать Ростов. Она была обескровлена и потеряла большую часть своего состава. Деникин приказал переформировать ее в корпус во главе с генералом А. П. Кутеповым и подчинить командующему Донской армией генерал-лейтенанту В. И. Сидорину. Барон Врангель оказался не у дел.

Вскоре Деникин поручил ему сформировать на Кубани и Тереке свежую конницу. Но там уже такое же задание исполнял генерал Шкуро. Барон делает главнокомандующему доклад, предлагая центр тяжести борьбы Белого дела перенести на запад, где, по его мнению, следовало организовать против большевиков фронт от берега Балтийского моря до берега Черного моря вместе с поляками, болгарами и сербами. Деникин оставил доклад без ответа, понимая все его несоответствие действительности.

Врангель получает приказание заняться укреплением Новороссийского района, куда предполагалось отступать. В это время стали распространяться слухи о том, что Врангель собирается совершить против Деникина военный переворот. Тот переадресовывает поручение, связанное с Новороссийском, генералу Лукомскому.

Врангель получает предложение генерала Шиллинга, оборонявшего Одессу, стать его помощником по военной части. Но Одесса, последний клочок территории Малороссии у белых, была сдана красным еще до того, как барон принял решение. Деникин поручает Шиллингу оборону Крыма с сокращением должности его помощника по военной части. 27 января 1920 года Врангель подает заявление об отставке.

8 февраля Деникин своим приказом увольняет от службы Врангеля и его сторонников в высшем эшелоне военной власти – генералов Лукомского и Шатилова, адмиралов Ненюкова и Бубнова. Оскорбленный Врангель с семьей перебирается в Константинополь (с последующим следованием в Сербию), откуда он пишет А. И. Деникину резкое письмо, в котором были и такие слова:

«…Если мое пребывание на Родине может сколько-нибудь повредить Вам защитить ее и спасти тех, кто Вам доверился, я, ни на минуту не колеблясь, оставляю Россию».

Деникин не оставил письмо без должного ответа, который барон Врангель получил на берегах Босфора:

«…Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете…

Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие…

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло…»

Деникин был надломлен неудачной двухлетней борьбой против большевизма, провалом «похода на Москву». Он потерял веру в дальнейшее успешное командование силами Белого дела на Юге России, объявив своему окружению о сложении с себя полномочий главнокомандующего. Новую кандидатуру на этот пост должен был назвать Военный совет, собираемый под председательством генерала А. М. Драгомирова в Крыму.

Можно сказать, что решение Военного совета было, по существу, предрешено, хотя часть его членов высказалась за то, чтобы А. И. Деникин оставался на своем посту. Первым из выступающих, кто назвал фамилию Врангеля, был капитан 1-го ранга Рябинин, которому никто не возразил.

Врангель, находившийся в Константинополе, получил телеграмму с приглашением прибыть на Военный совет. Вместе с тем англичане известили барона, что правительство Британии предлагает начать переговоры с большевиками об окончании Гражданской войны на условиях амнистии белогвардейцам. В противном случае Лондон отказывался помогать Белому движению. Стало известно, что деникинская армия в районе Новороссийска оказалась в безвыходном положении. Врангель без колебаний решил отправиться в Крым.

Новый белый главнокомандующий прибыл в Севастополь на английском дредноуте «Император Индии». Последние страницы Гражданской войны на Юге России стали в его жизни поистине «звездным часом», который «ушел» на удержание «последней пяди Русской земли», свободной от большевиков – Белого Крыма.

В Севастополе Врангеля встретил генерал С. Г. Улагай, который доложил ему о состоянии белых сил, оказавшихся в Крыму на тот день. Боеспособными можно было считать только корпус генерала Я. А. Слащёва (3,5 тысячи штыков и 2 тысячи сабель), который отстоял Перекоп и не позволил красным с налета ворваться на полуостров. Остальные войска – прибывшие на кораблях основные силы добровольцев, четверть Донской армии и небольшие силы кубанцев, деморализованные отступлением, в «себя еще не пришли».

Большая часть Вооруженных сил Юга России еще оставалась на черноморском побережье Кавказа в районе Туапсе – Сочи, ведя там бои. Это были: Кубанская армия численностью до 40 тысяч человек, 2-й и 4-й Донские корпуса общей численностью до 20 тысяч человек, другие воинские части. У белого командования имелись суда, на которых можно было перевезти большую часть этих сил в Крым, но оно надеялось, что остававшиеся там войска перейдут к успешным партизанским действиям.

Тем временем вокруг Крыма развернулась дипломатическая игра. 29 марта 1920 года английский министр иностранных дел Д. Н. Керзон предложил Москве начать переговоры с белыми о сдаче последних на условиях амнистии.

31-го числа красные войска предприняли неудачную попытку ворваться на полуостров.

1 апреля Москва ответила Лондону, что согласна разменять крымских белогвардейцев на венгерских заключенных, оказавшихся в тюрьмах после подавления революции в Венгрии в августе 1919 года.

3 апреля корпус генерал-лейтенанта Слащёва отразил новую попытку противника прорваться через Турецкий вал (Перекоп) на полуостров. Впоследствии советское командование высказало версию, что оно само прекратило наступление, ожидая обещанной сдачи белогвардейцев. В августе месяце «спаситель» Крыма Слащёв получил по врангелевскому приказу почетное проименование «Крымский».

6 апреля Керзон предупредил советское правительство, что если его войска не остановят наступления на Юг, то Британия пошлет военные корабли поддержать белых в Крыму. Фактически это был ультиматум.

9 апреля командующий английской эскадрой на Черном море адмирал Де-Ребек попросил Врангеля и его генералов «держаться».

16 апреля английский генерал Перси заявил барону Врангелю, что в случае продолжения Гражданской войны Лондон его не поддержит

15 апреля Москва, которая вела переговоры с Керзоном, подтвердила, что согласна на капитуляцию белых и выезд врангелевских войск из Крыма.

17 апреля в Крым из Парижа на имя барона П. Н. Врангеля пришло сообщение о том, что французское правительство отрицательно относится к соглашению белых с большевиками. После этого Врангель переориентировался с Англии на Францию, именно у нее ища поддержку.

21 апреля глава лондонского МИДа дал ответ советскому правительству: речь должна идти не о капитуляции, а только о перемирии воюющих сторон.

В итоге дипломатического «общения» держав Антанты с Москвой Франция предоставила главнокомандующему Русской армией генерал-лейтенанту П. Н. Врангелю заем в 150 миллионов франков. Из Франции в Крым доставили тяжелую артиллерию, из Болгарии, Румынии, Турции и Греции – вооружение и военное снаряжение (в том числе немецкое), невостребованное в Первой мировой войне.

Пока между Лондоном и Москвой шли такие переговоры относительно судьбы белого Крыма, белый главнокомандующий Врангель на полуострове не сидел сложа руки. 16 апреля в Евпатории, делая смотр Донскому корпусу, объявил донцам следующее:

«Нужно готовиться к дальнейшей борьбе. Я буду рад видеть вас во главе нового похода для освобождения России и тихого Дона. Я совершенно уверен, что попытки союзников заключить мир с большевиками будут тщетны…»

Такие «метания» союзников-англичан, известия о возможности сдачи белых войск в Крыму и амнистии им со стороны советской власти сильно повлияли на моральное состояние донцов и кубанцев, сосредоточившихся в районе Туапсе – Сочи. К тому же Грузия отказалась пропустить через свою границу белые войска. Начались переговоры: большевики обещали взять казаков в Красную Армию и направить их на Польский фронт.

2 мая в районе Сочи сдались части трех кубанских и двух донских корпусов – 1409 офицеров и военных чиновников, 10 099 урядников и 28 906 рядовых при 146 пулеметах и 25 орудиях. Англичане «забрали на суда всех пожелавших грузиться в Крым» – пять тысяч донцов и около двух тысяч кубанцев генерала Шкуро.

После этой операции в Крыму под командованием Врангеля оказалось почти все «белое воинство» Юга России. Всего на довольствии числилось 150 тысяч «ртов», и лишь шестая часть из них составляла «боевой элемент». Все собравшиеся в Крыму донцы были сведены в один корпус («пока еще не боеспособный, раздетый и безоружный»), кубанцы – в одну бригаду.

Белая Русская армия была сформирована бароном Врангелем 11 мая 1920 года из остатков Вооруженных сил Юга России, эвакуированных в марте, апреле и мае из Новороссийска, портов Кубани и Грузии, а также войск Новороссии, эвакуированных в Крым из Одессы и 3-го (Крымского) корпуса генерала Слащёва, оборонявшего полуостров на позициях Перекопского перешейка. Начальником штаба врангелевской армии был назначен генерал-лейтенант П. С. Махров, которого через месяц сменил генерал-лейтенант П. Н. Шатилов.

Организационно белая Русская армия состояла из четырех корпусов:

– 1-й (Добровольческий) корпус генерал-лейтенанта А. П. Кутепова, которого в сентябре сменил генерал-лейтенант П. Н. Шатилов в составе: Корниловская, Марковская и Дроздовская пехотные, 1-я и 2-я кавалерийская дивизии;

– 2-й (Крымский) корпус генерал-лейтенанта Я. А. Слащёва-Крымского в составе: 13-я и 34-я пехотные дивизии, Терско-Астраханская казачья бригада;

– Донской (Казачий) корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова в составе: 2-й и 3-й Донских дивизий, гвардейской Донской бригады;

– Сводный (Конный) корпус генерал-лейтенанта П. К. Писарева в составе: Сводно-Кубанская и 3-я Чечено-Астраханская конная дивизии.

К началу июня вся эта белая группировка насчитывала в своих рядах до 32 тысяч штыков и 12 тысяч сабель, 1144 пулемета, 272 орудия, 14 бронепоездов, 16 автобронеотрядов, 1 танковый отряд и 11 авиаотрядов. Врангель продолжил традицию белых вождей Корнилова и Деникина, сохраняя офицерские роты, батальоны и полки. Они являлись ударной силой врангелевской Русской армии.

Врангель создавал Русскую армию в условиях наступления армии «белопанской» Польши на Советскую Украину. Польской фронт оказался летом 1920 года для Москвы важнее, чем Южный фронт против белого Крыма, который получил в ходе Гражданской войны непродолжительную передышку.

Барон Врангель создает собственное правительство, так называемый «Совет при Главнокомандующем», во главе с А. В. Кривошеиным. Однако принцип единоличной диктатуры, утвердившийся на белом Юге еще в 1918 году, изменений не претерпел. Врангель так определил главную задачу правительства:

«…Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

…В конце мая врангелевская Русская армия вышла за Перекоп и развернула наступление в степях Северной Таврии. Ее костяк по-прежнему сохранял высокие боевые качества. Мемуаристы упоминают о «небывало жестоких и кровопролитных» боях, которые вели дроздовцы и корниловцы, о способности белогвардейцев жертвовать собой. За три дня победоносных боев в Таврии 1-й (Добровольческий) корпус генерала Кутепова потерял почти четверть бойцов. Белые, используя танки и бронепоезда, вышли к берегам Днепра и к Мелитополю.

Части корпуса генерала Слащёва высадились с кораблей на побережье Азовского моря в районе Кирилловки, заняв город Мелитополь. Донской корпус наступал в направлении Каменноугольного бассейна (Донбасса). Войска советского Южного фронта оказывали ожесточенное сопротивление, сумев окружить и разгромить у села Ново-Михайловка 3-ю конную (Чеченскую) дивизию генерала А. П. Ревишина, который был взят в плен и застрелен в штабе Буденного.

В конце июня командование Южного фронта, стремясь переломить ход событий, бросило в прорыв конный корпус Д. П. Жлобы, чтобы сильным ударом от Мелитополя выйти к Перекопскому перешейку и тем самым отрезать противнику путь отступления в Крым.

Задумано было хорошо, но действительность на войне всегда чревата своей непредсказуемостью.

Врангель повернул наступавшую Корниловскую дивизию на восток для удара во фланг и тыл корпуса Жлобы. Пришла в движение белая конница. В итоге трехдневных боев корпус красной конницы оказался в мешке и подвергся полному разгрому.

Решающее слово в этом деле оказалось за 2-м офицерским Корниловским полком, который преградил путь лихо идущей вперед лаве красной конницы. Командир полка полковник Пашкевич построил его в ряды (первый ряд стрелял «с колена», второй ряд – «стоя», штыками вперед). Значительная часть всадников (и лошадей) были убиты или ранены, напоровшись на концентрированный ружейный огонь и штыки. Жлоба смог спастись от преследователей на автомобиле. Разгром его корпуса довершили бронеавтомобили и самолеты белых. Победители взяли две тысячи пленных, много трофеев и три тысячи коней, которые сразу же были переданы безлошадным казакам.

Окружение и разгром кавалерийской лавы пехотой – редчайший случай в истории войн той эпохи. Этот эпизод Гражданской войны в России тщательно, вплоть до начала Второй мировой войны, изучался во французской Академии Генерального штаба в Сен-Сире.

До середины августа на Южном фронте шли упорные бои «местного значения» с переменным успехом. Но все же белая Русская армия шла вперед по всему периметру фронта, от Азовского моря до Александровска и Днепровско-Бугского лимана. Ударной ее силой стала казачья конница генерала И. Г. Барбовича. В июле красным удалось форсировать Днепр в районе Каховки и захватить там важный по своему местоположению плацдарм с речной переправой. Каховка была спешно превращена в хорошо укрепленный район.

Врангель приказал командиру усиленного 2-го корпуса генералу Слащёву-Крымскому взять Каховку и перейти на правый берег Днепра. Но тот выполнить боевую задачу не смог, подал в отставку и был заменен генералом Витковским. Но и тот не смог, неся тяжелые потери, ликвидировать Каховский плацдарм красных.

Одновременно с боями у Каховки Красная Армия перешла в наступление на северном и других участках Южного фронта. Из района Никополя удар наносила 2-я конная армия Миронова. Двинулись в прорыв войска «батьки» Махно, которым помогала 4-я армия красных. Тяжелые бои шли с переменным успехом, но в целом наступление советских войск совместно с «армией» Махно осенью 1920 года оказалось неудачным, исключая борьбу у Каховки.

Красные войска отошли на исходные позиции. Войска врангелевской Русской армии, несмотря на понесенные в осенних боях невосполнимые потери, перешли в контрнаступление по всему фронту – у Каховки, Никополя, Александровска, Полога и Бердянска. Они всюду добились тактического успеха, кроме района Каховки, где 2-й корпус генерала Витковского в бесплодных атаках с применением танков потерял треть своего состава: прорваться на днепровское правобережье он так и не смог.

…Летом 1920 года Врангель решил перенести борьбу из Северной Таврии в казачьи области – на Дон и Кубань. Там, а также на Тереке в то время действовало 36 белоказачьих партизанских отрядов в 13 100 штыков и сабель с 50 пулеметами и 12 орудиями. Донской атаман генерал А. П. Богаевский пытался отговорить Врангеля от десантных операций, сказав:

«Население на Дону не может примириться с большевиками, но оно не в состоянии восстать ввиду отсутствия казаков. Дон обессилел».

Первый десант был высажен на Дону в районе Азова – отряд популярного полковника Назарова в 800 человек. Он, увеличившись по пути до полутора тысяч казаков, с боями дошел до станицы Константиновской, был разбит и рассеян.

Тогда Врангель обратил взоры на Кубань. Там, в горах, действовала «Отдельная Народная армия возрождения России» генерал-лейтенанта М. А. Фостикова. Экспедиционный десантный корпус (три дивизии кубанцев и два отдельных отряда, около 8 тысяч человек) под командованием генерал-лейтенанта С. Г. Улагая главными силами должен был высадиться на Таманском полуострове, имея целью наступление на Екатеринодар и поднятие казачьего восстания.

Десантные войска генерала Улагая, вышедшие на кораблях и судах Черноморского флота из Феодосии и Керчи, успешно высадились в районе станицы Приморско-Ахтырской в Ахтырском лимане Таманского полуострова. Первоначально десант имел большой успех: продвинувшись вперед на 90 километров, белоказаки заняли станицы Брюховецкую и Тимошевскую. Советское командование, имея до 50 тысяч войск, не смогло быстро дать отпор неприятелю.

Перегруппировав свои силы, войска Красной Армии на Кубани перешли в контрнаступление, сами высадив десант Азовской флотилии в тылу белых у Приморско-Ахтырской. Улагай был вынужден отступить к Ачуеву, откуда неделю шла эвакуация белоказаков обратно в Крым. В те дни красными была разбита и армия генерала Фостикова. Десантный отряд Улагая первоначальной численностью в 8 тысяч человек вернулся на полуостров, имея 20 тысяч бойцов и 5 тысяч лошадей.

Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков в одной из своих научных работ писал:

«Военная история весьма богата примерами десантных операций с самых древних времен, однако в настоящий момент специальный интерес представляют позднейшие десантные операции…»

Булонская экспедиция (проект) Наполеона против Англии в 1804 г; Алжирская экспедиция французов в 1830 г.; Крымская экспедиция союзников в 1854 г., кончившаяся падением Севастополя; высадки 1-й и 2-й японских армий в 1904 г.; Триполитанская экспедиция итальянцев в 1911–1912 гг.; высадка английских войск 1 августа 1918 г. на о. Мудьюг для захвата Архангельска; десантная операция Врангеля на Кубань в августе 1920 г.

…В сентябре ситуация на театрах Гражданской войны в России резко изменилась. На Западном фронте закончились бои с белополяками. Пилсудский подписал с Москвой прелиминарные условия мира, забыв свои согласования с Белым движением России. Врангель высказался по этому поводу так: «Поляки в своем двуличии остались себе верны».

Полки и артиллерия прибывали на Южный фронт, во главе которого встал способный М. В. Фрунзе, не только с Западного фронта, но и из Сибири, с Севера и даже из Туркестана. Теперь против 40 тысяч штыков и сабель врангелевской Русской армии было сосредоточено около 200 тысяч штыков и сабель советских сил. Неожиданные жестокие морозы ухудшили состояние плохо обмундированной белой армии.

Противник белых, получив значительные подкрепления, перешел на Южном фронте в общее наступление: 1-я (Буденного) и 2-я (Миронова) конные армии, 13-я, 6-я и 4-я армии, армия Махно успешно продвигались вперед по сходящимся у Перекопа направлениям. Красное командование ликвидировало угрозу выхода в тыл защитникам Каховки добровольческих дивизий корпуса генерала Кутепова и казаков-кубанцев, форсировавших 25 сентября Днепр севернее Никополя.

Теперь белые, не имевшие резервов для латания дыр на фронте, отступали в Северной Таврии повсюду. Они стремились уйти обратно в Крым, за Перекоп. Врангель так оценил ситуацию: в армии «исчез порыв, пропала вера в собственные силы… смятение овладело полками». Однако красным ворваться на полуостров «на плечах» отступавших войск Русской армии генерала Врангеля не удалось.

Началась борьба за Крым, за Перекоп, многие укрепления на котором существовали только на бумаге. Военные специалисты считали: «К моменту катастрофы укреплений, спо-

собных противостоять огню тяжелых, а в девяти из десяти случае и легких батарей, не было». Легендарные перекопские укрепления могли держаться только на стойкости добровольцев Дроздовской и Корниловской дивизий.

Красные сосредоточили против белого Крыма в полтора раза больше сил, чем в свое время собирали против Деникина или на варшавском направлении. Перекоп был взят обходным маневром через «гнилое болото» Сиваш. Завязались упорные бои за Юшунь. Но через несколько дней стало ясно, что натиск Красной Армии, вошедшей в крымские степи, уже не остановить.

Правитель Юга России и главнокомандующий Русской армией генерал-лейтенант П. Н. Врангель отдал приказ готовить Черноморский флот, в том числе коммерческие суда, к эвакуации войск и всех желающих покинуть Крым. В правительственном сообщении, напечатанном в крымских газетах 11 ноября, говорилось следующее:

«Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров и их семейств, других служащих, Правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжелых испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага – остаться в Крыму».

Затем последовал приказ об оставлении Крыма. Отступавшие белые войска оторвались от преследователей настолько, что их эвакуация из Севастополя и других портовых городов (за исключением Феодосии, где организованно вели посадку только казаки) прошла в спокойной обстановке и достаточно организованно. Приняли на свой борт беженцев и корабли союзных государств Антанты, прежде всего французские.

Белые покидали Крым на 126 различных гражданских судах, кораблях и транспортах Черноморского флота. Все они были переполнены людьми. Огромный морской караван взял курс на Константинополь. Сам Врангель покинул российские берега 16 ноября на крейсере «Генерал Корнилов», который уходил к Босфору из Феодосии, где главнокомандующий проконтролировал погрузку казачьих частей.

Всего с Крымского полуострова было эвакуировано 145 693 человека, в том числе 7 тысяч раненых и больных. Из них 40 тысяч (по другим данным – около 70 тысяч) составляли люди военные. Тех из белого стана, военных и гражданских, кто не пожелал оставить Отечество и стать белоэмигрантом, в Крыму ожидал дикий террор со стороны победителей.

Так на Юге России завершилась Гражданская война. Исход белых из Крыма описан во многих мемуарах грустными строками. Оставил после себя воспоминания и «черный барон» Врангель:

«Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось море.
Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний…
Прощай Родина!»

По приказу Врангеля на всех кораблях, двигавшихся караваном к Константинополю (Стамбулу), были подняты французские флаги. Но на корме развевались российские, Андреевские флаги.

Врангель нес моральную ответственность за всех, кто с ним покинул Крым. Турция встретила белых беженцев неприветливо, стараясь не «задерживать» их у себя. Вскоре они быстро рассеялись по Югославии, Болгарии, Греции, Румынии, а оттуда по всей Европе (и

не только по ней), отдавая предпочтение союзникам-французам и братьям-славянам, прежде всего Королевству сербов, хорватов и словенцев.

Русская армия, ушедшая в эмиграцию, первоначально расположилась лагерем в Турции на полуострове Галлиполи, терпя там всякие лишения, а порой и голод. Франция за поставки провианта и военно-технических средств стала обладателем кораблей и судов Черноморского флота. Первое время белогвардейцы держались организованно, сохранив военную организацию в постепенно угасающей надежде возобновить белую борьбу.

Главнокомандующий Русской армией вел переговоры с государствами Балкан о предоставлении ей убежища. Весной 1921 года Болгария согласилась принять 9 тысяч военнослужащих, Сербия – 7 тысяч человек. 5 мая 1923 года Галлиполийский лагерь покинул последний солдат белой армии. Сам П. Н. Врангель в 1922 году вместе с семьей оказался в Сербии (Королевстве сербов, хорватов и словенцев, сокращенно – Королевство СХС), в городе Сремски Карловицы. Там же расположился и его штаб. Последние годы жизни провел в Бельгии, в Брюсселе.

В эмиграции Врангель стал организатором и первым председателем Русского общевоинского союза (РОВС). Он позволял белоэмигрантам сохранить свои воинские структуры, кадры и одновременно налаживать отношения с иностранными, в первую очередь – европейскими государствами. РОВС, спаенный крепкой дисциплиной и жесткой военной организацией, мог стать основой новой белой армии для продолжения вооруженной борьбы с советской властью.

Приказ о создании РОВС Врангель издал 1 сентября 1924 года (подтвержденный приказом 1 декабря того же года). Советская Россия получила в лице новой военной белоэмигрантской организации потенциальную угрозу, против которой многие годы велась скрытая борьба.

Русский общевоинский союз первоначально состоял из четырех отделов: 1-й отдел – Франция и Бельгия, 2-й отдел – Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Эстония и Литва, 3-й отдел – Болгария и Турция, 4-й отдел – Королевство СХС, Греция и Румыния. При содействии Врангеля в белой эмиграции создавались различные землячества, союзы однополчан и другие подобные им организации бывших военных людей.

Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель ушел из жизни в 1928 году. Считается, что смерть была неожиданной для окружающих. Последними его словами были: «Боже, спаси армию…» Белая эмиграция в его лице потеряла авторитетного военного вождя, заменить которого, как стало потом ясно, оказалось некому.

Гайда Радола (Гейдель Рудольф) «Освободитель Сибири», командовавший у Колчака армией

Один из самых известных военных вождей Белого дела в Гражданской войне в России родился в 1892 году в древнем городе Котор (современный далматинский Каттаро), на берегу Адриатического моря, в Черногории. Настоящей фамилией и именем Гайды Радолы были Гейдель (Гейдль) Рудольф. Отец его был наполовину немец, наполовину чех, а мать – итальянкой из Далмации. В России носил имя Родиона.

Отец служил фельдфебелем в австро-венгерской армии, будучи военным бухгалтером. Вскоре после рождения Гейделя-младшего он вышел в отставку, и семья переехала в город Кийов в Моравии (ныне Чехия). Здесь мальчик учился в местной гимназии, но на экзамене за четвертый класс провалился. Семья переехала обратно в Котор, где Рудольф пошел учиться в хорватскую гимназию, одновременно осваивая аптекарское дело.

В 18 лет был призван в армию, поступив вольноопределяющимся в 5-й артиллерийский полк, одна из рот которого входила в состав гарнизона порта Котор. Через год он решил остаться на сверхсрочную службу и получил чин унтер-офицера административной (санитарной службы). Через два года вышел в отставку и переехал в город Шкодер (современный Скутари, Албания), где женился на дочери аптекаря. Став предпринимателем, открыл собственный аптекарский магазин с косметическим салоном.

В самом начале Первой мировой войны Гайда был призван в ряды австро-венгерской армии с чином прапорщика. Воевать же ему пришлось против Черногории, в боях дорос до чина обер-лейтенанта (старшего лейтенанта). Умирать за империю Габсбургов он не хотел, как и многие ее подданные из числа славян – чехов и словаков, сербов и хорватов, словенцев и других народов. В 1915 году младший офицер дезертирует из армии Вены и переходит в Черногорию, армия которой доблестно сражалась против превосходящих сил австро-венгров вместе с сербами, но устоять против натиска превосходящих сил врага не смогла. По другим данным, попал в плен к черногорцам.

Как бы там ни было, дезертир (или пленный) сразу же поступил на службу в черногорскую армию, получив чин капитана медицинской службы. Думается, аптекарское дело будущий чешский и русский генерал знал достаточно хорошо. При этом Рудольф Гейдель переименовал себя в доктора медицины Радулу Гайду. На отсутствие у него любых документов о медицинском образовании тогда никто внимания не обратил.

В начале января 1916 года союзные армии Сербии и Черногории были разбиты австрийцами и болгарами. В ходе отступления Гайда сумел присоединиться к русской миссии Красного Креста. Весной того же года получил документы члена миссии и через Францию прибыл в Россию. Сначала он поступил в качестве военного врача в Сербский добровольческий корпус, формировавшийся в Одессе. Но вскоре попал в скандальную историю: сербы усомнились в его врачебной квалификации.

В конце декабря 1916 года Радола Гайда покидает Одессу и в январе следующего года поступает во 2-й Чешско-Словацкий стрелковый полк (легион) как строевой офицер. В марте он получает в командование роту. В то время шло формирование Чешско-Словацкой бригады, которая затем будет развернута в корпус. Основу ее составляли военнопленные армии Австро-Венгрии.

Боевое крещение атакой бригада получила 19 июня 1917 года в бою под Зборовом. Австрийские позиции (три пехотные и 4-я артиллерийская) были прорваны, взято 3150 пленных и захвачено в качестве трофеев 15 орудий. Пленные из числа чехов и словаков сразу же

пополнили полки бригады. Гайда находился в первых рядах атакующих легионеров: в его храбрости сомневаться не приходилось. Он назначается временно командиром батальона. Вскоре по собственной инициативе в трудную минуту принимает на себя командование полком, действуя успешно и доблестно.

За отличие под Зборовом молодой офицер награждается военным орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. В приказе по 11-й армии штабс-капитан Гайда назван Родионом Ивановичем. Но это русское имя и отчество за ним как-то не прижилось.

Нижние чины полка, проголосовав на митинге, награждают храброго Гайду солдатским Георгиевским крестом с серебряной лавровой веточкой, что было нововведением Временного правительства. После того боя он становится настоящим героем среди чешских легионеров, подтверждением чему были его Георгиевские награды. В военную историю Чехословакии (затем Чехии) тот бой вошел под названием «Битва под Зборовом».

На популярного офицера обратили внимание в Чешско-Словацком Национальном Совете (ЧСНС). Он был создан в 1916 году в Париже как политическая организация, возглавившая борьбу за государственную независимость Чехии и Словакии от Австрийской империи. Председателем Совета, выступавшего на стороне Антанты, был избран профессор философии Пражского университета Т. Г. Масарик, будущий первый президент Чехословакии. Масарик имел прямое отношение к созданию в России корпуса легионеров как части будущей национальной армии.

30 июня Радула Гайда назначается временным командующим 2-м Чешско-Словацким стрелковым полком. Однако вскоре он снимается с этой должности и до начала декабря 17-го находится под следствием: в штаб бригады прибыли документы из Сербского корпуса, в которых Гайда обвинялся в незаконном присвоении себе чина капитана и звания военного врача.

Чешско-Словацкая бригада 26 сентября разворачивается в корпус из двух дивизий, благо, пленных чехов и словаков в России набирались десятки тысяч человек. Командующим корпусом со штабом в Киеве назначается генерал В. Н. Шокоров. Первоначально численность легионеров достигала 30 тысяч человек. Политическое руководство осуществлял ЧСНС.

После Октября 1917 года большевики запретили формирование новых корпусных частей. Масарик, находившийся тогда в России, договорился с Антантой о том, что корпус полностью переходит на содержание союзников. 15 января 1918 года Чешско-Словацкий корпус объявляется «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного Главнокомандования Франции». В начавшейся Гражданской войне в России легионеры занимают вооруженный нейтралитет.

В середине февраля решается вопрос о переброске корпуса морским путем на Западный (Французский) фронт. Поскольку Архангельский порт надолго замерз, то легионерам предстоял долгий путь по железной дороге через Поволжье, Урал и Сибирь во Владивосток.

Но… 3 марта подписывается сепаратный Брест-Литовский договор и войска Германии и Австро-Венгрии двинулись в пределы Украины, Белоруссии, Прибалтики. Трем полкам корпуса пришлось принять участие вместе с красногвардейскими отрядами в боях за железнодорожный узел Бахмач. Для германцев это было полной неожиданностью, и они заключили с противной стороной перемирие на три дня. Гайда в тех боях не участвовал.

В первый же день перемирия легионеры погрузились в воинские эшелоны и двинулись от Бахмача на восток. Когда они с украинской территории прибыли в РСФСР, стал решаться вопрос о их дальнейшем следовании во Владивосток. Совет Народных Комиссаров разрешил движение эшелонов (каждый до тысячи человек) при условии его разоружения: на эшелон оставлялось 100 винтовок и один пулемет. Это условие вызвало резкое недовольство

легионеров, как людей военных: они поняли, что их разоружают, и последствия этого радужными не виделись.

Среди русских офицеров корпуса по требованию Совнаркома была проведена «чистка». 28 марта Гайда, фактически не имевший должности, принял командование 7-м Чешско-Словацким Татранским полком, который остался без полкового командира.

26-летний Радола Гайда обладал несомненным ораторским искусством, имел фронтовой опыт (пусть и младшим командиром санитаров). Он поражал окружающих верой в скорую независимость государства братских народов чехов и словаков, то есть славянских Чехии, Моравии и Словакии. На митингах умел влиять на солдатскую аудиторию, мог принять решительные действия, не раз демонстрировал личное бесстрашие.

То есть в условиях развала Русского фронта и начала Гражданской войны в России Гайда демонстрировал лидерские качества, что и сказалось на его стремительном служебном росте в рядах Чешско-Словацкого корпуса. Впрочем, под стать ему в условиях Гражданской войны в России сделали блестящую военную карьеру такие молодые чешские офицеры, как Я. Сыровой и С. Чечек.

Легионеры сдавали тяжелое вооружение (орудия и пулеметы), боеприпасы и военное снаряжение при проезде через Пензу. Часть винтовок они смогли утаить: легионеры понимали, что им предстоял проезд по стране, в которой уже шла Гражданская война. Всего в корпусе насчитывалось 35 300 человек (в своем большинстве безоружных), которые образовали 63 железнодорожных эшелона.

К маю первые 12 эшелонов прибыли во Владивосток. Остальные растянулись по железной дороге на 7000 километров от Ртищева под Пензой до Иркутска. Движение эшелонов замедлялось, а потом совсем прекратилось: Совнарком предложил ЧСНС отправить весь корпус не через Владивосток, а через Архангельск и Мурманск. Начались переговоры. Местные Советы в городах Транссибирской железнодорожной магистрали, где остановились эшелоны, стали требовать полной сдачи оружия.

Такие требования выглядели «странными», поскольку с этим оружием советская власть в Самаре, Челябинске, Петропавловске, Красноярске и Иркутске вооружала выпущенных из лагерей военнопленных немцев (германцев и австрийцев) и венгров, которых приняли в ряды Красной Армии как «воинов-интернационалистов». Между ними и легионерами лежала черта исторической ненависти.

«Взрыв» Чешско-Словацкого корпуса произошел в Челябинске. Дело обстояло так. 14 мая на местном вокзале из проходившего поезда с бывшими военнопленными – венграми и австрийцами была брошена чугунная ножка от печки-«буржуйки» в чехов, работавших на платформе. Ножка попала в голову солдата Духачека, который получил тяжелое ранение. Легионеры остановили эшелон, нашли виновного и расправились с ним.

Через три дня челябинский Совет вызвал десять легионеров для разбора случившегося как свидетелей, объявил их виновниками инцидента и арестовал. Были задержаны и те, кто пришел в Совет с требованием освободить товарищей. Тогда командир 3-го Чешско-Словацкого полка подполковник С. Н. Войцеховский приказал занять город и освободить арестованных силой. Сопротивления легионерам оказано не было, и они захватили все имевшиеся у местного Совета запасы оружия – 2800 винтовок и артиллерийскую батарею.

На следующий день конфликт был улажен миром. Арестованные комиссары были освобождены, большая часть захваченного оружия была возвращена челябинскому Совету. Начались переговоры о пропуске эшелонов через Челябинск на восток.

20 мая в Челябинске открылся съезд представителей Чешско-Словацкого корпуса, который готовился давно. Капитан Радола Гайда был избран его делегатом. Стало известно, что в Москве арестованы прибывшие туда члены ЧСНС Макса и Чермак, которых вынудили

подписать приказ всему корпусу сдать местным Советам все оружие «безо всякого исключения». То есть теперь разоружиться уже полностью.

В ответ на это съезд заявил, что он лишает ЧСНС права руководить движением эшелонов и передает это право избранному им Временному Исполнительному комитету (председатель – доктор Д. Павлу). Единогласно приняли решение оружия не сдавать, эшелоны в Архангельск не поворачивать и, если надо, пробиваться во Владивосток с боем.

В исполком вошли три командира полков: 3-го – подполковник С. Н. Войцеховский, 4-го – поручик С. Чечек и 7-го – капитан Р. Гайда. Они составили Военную коллегию исполкома. Съезд поручил им разработать план действий на случай открытого конфликта с большевиками.

К тому времени эшелоны с легионерами составляли по местоположению на железной дороге четыре группы: во Владивостоке – 8 тысяч, на линии железной дороги между Пензой и Тамбовом еще не двинулись на восток около 8 тысяч чехов и словаков, примерно столько же оказалось в районе Челябинска. Эшелоны с 4, 5 тысячами человек растянулись по Транссибу между Курганом и Иркутском. Съезд поручил Чечеку возглавить Пензенскую группу эшелонов, Войцеховскому – Челябинскую, а Гайде – корпусные эшелоны, двигавшиеся от Омска до Иркутска.

Так капитан Радола Гайда получил под свое командование войсковую группу из трех стрелковых полков, ударного батальона, запасного стрелкового полка и артиллерийской бригады. Съезд дал всем начальникам войсковых групп большую самостоятельность в действиях с задачей обеспечить беспрепятственное движение эшелонов к Владивостоку.

Гайда вернулся из Челябинска в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск) утром 25 мая. Прямо на станции ему вручили только что перехваченную телеграмму Л. Д. Троцкого, широко известную в истории Гражданской войны в России. Вот ее полное содержание:

«Из Москвы, 25 мая. 23 часа. Самара, ж/д.

Всем совдепам по ж/д линии от Пензы до Омска.

Все Советы под страхом ответственности обязаны немедленно разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хоть один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и отправлен в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссары обязуются немедленно выполнить этот приказ, всякое промедление которого равносильно бесчестной измене и обрушит на виновного суровую кару. Одновременно посылаются в тыл чехословакам надежные части, которым поручено проучить неповинующихся.

С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчинятся советской власти, поступать как с братьями и оказывать им всяческое содействие. Им пойдем всевозможно навстречу. Всех железнодорожников поставить в известность, что ни один эшелон с чехословаками не должен продвинуться дальше на восток. Кто уступит насилию и будет содействовать чехословакам в их продвижении, будет строго наказан.

Настоящий приказ прочесть всем чехословацким эшелонам и сообщить всем железнодорожникам по месту нахождения чехословаков. Каждый военный комиссар должен об исполнении донести.

№ 377. Народный Комиссар по Военным Делам Л. Троцкий».

Этим приказом «военного министра» Л. Д. Троцкого советская власть в условиях начавшейся Гражданской войны объявляла вне закона каждого военнослужащего Чешско-Словацкого корпуса, уже части французской армии, имевшего при себе любое оружие. Ему грозил за то расстрел. Приказ требовал любой ценой остановить продвижение воинских эшелонов с легионерами на Владивосток, где находились суда Антанты для отправки бывших добровольцев Русской армии из числа чехов и словаков в Европу.

Гайде не пришлось по такому поводу выступать на солдатских митингах. Он понял, что перехваченный приказ Троцкого однозначно объявляет войну корпусу легионеров, и стал отдавать полкам и эшелонам приказы, чтобы «пробить» корпусу путь по Транссибирской железнодорожной магистрали к берегу Тихого океана. Всю ответственность за принимаемые решения Радола Гайда брал на себя.

В два часа дня того же 25 мая легионеры под командованием капитана Кадлеца занимают Мариинск. В ночь на 26-е Гайда берет Ново-Николаевск (Новониколаевск, ныне Новосибирск). В ночь на 27-е Войцеховский второй раз захватывает Челябинск, а Чечек в ходе упорного боя с местными красноармейцами стал обладателем Пензы. Всюду легионерам достались большие запасы оружия и боеприпасов, у них вновь появилась, пусть и в небольшом числе, артиллерия.

Так начался известный в отечественной истории «мятеж Чехословацкого корпуса». Спровоцирован же он был не белогвардейцами, а главой военного ведомства Совнаркома Троцким. По приказу из Москвы Чешско-Словацкий корпус сперва почти разоружили (лишив, в частности, всей артиллерии), изгнав из его рядов русских офицеров, затем в целях «безопасности» растянули его эшелоны по железной дороге на многие тысячи километров, и, наконец, террором решили покончить с ним как таковым.

Командиры легионеров на линии железной дороги – Гайда, Чечек, русский подполковник Войцеховский, Кадлец и другие отказались признать над собой власть как ЧСНС, так и командира корпуса генерала Шокорова, который продолжал подчиняться Национальному Совету. В начале тех событий Гайда и его соратники не стремились свергать на местах советскую власть: ими владело желание скорее покинуть страну, объятую хаосом. «Мятежные» эшелоны не поворачивались на Москву, а шли на восход к солнцу, имея конечной целью достичь портового Владивостока.

На начало выступления реально у Гайды было всего около 4 тысяч человек: одиннадцать стрелковых рот, три артиллерийские батареи без орудий, а также три роты ударников под командованием русского подполковника Ушакова (он станет начальником штаба у Гайды), часть запасного полка, штаб и обоз 2-й дивизии корпуса.

Подполковник-фронтовик Ушаков со своими ударниками, тоже понюхавшими пороха в мировую войну, действовал не менее решительно, чем Гайда. В ночь на 29 мая он занял Канск, а потом и соседний Нижнеудинск, важные железнодорожные станции между Красноярском и Иркутском.

Еще три эшелона из группы Гайды находились на станции близ Иркутска. К ним не дошел приказ Гайды о выступлении. Здесь легионеры утром 26 мая были неожиданно атакованы красногвардейцами. Атаку отбили, но французский и американский консулы настояли на сдаче оружия. Разоруженные эшелоны иркутский Совет немедленно отправил во Владивосток.

Гайда, узнавший о событиях под Иркутском и трезво оценивая возможности своих сил, стал искать союзников для борьбы с большевиками. В Ново-Николаевске он установил связь с подпольной офицерской организацией поручика Лукина. С ее помощью и был взят этот город: казармы красногвардейцев забросали ручными гранатами, бой шел всего сорок минут, потери легионеров составили двое убитых и трое раненых.

Власть в Ново-Николаевске перешла в руки низложенной ранее городской думы. По улицам ходили патрули созданной белой Сибирской народной дружины с бело-зелеными повязками на рукавах (это были цвета Сибири). Дружина вскоре стала основой 1-го Новониколаевского стрелкового полка – первого полка Сибирской армии. В городах, захваченных легионерами, сразу же стали формироваться добровольческие воинские части тех, кто решил бороться против власти большевиков с оружием в руках.

Как командир корпусной группы, капитан Гайда оказался в сложном положении: между ним и Челябинском находился красный Омск, а от Кадлеца в Мариинске его отделяли красногвардейские отряды, стоявшие в Томске и на станции Тайга. Кадлеца от Ушакова отделяли отряды большевиков в Красноярске с его железнодорожным мостом через Енисей.

Успех зависел от решительности наступательных действий. 30 мая Гайда повел наступление на станцию Тайга, которую занял почти без сопротивления по той причине, что в соседнем Томске подпольная военная организация белых подняла восстание, и большевистский Совет бежал из города. Белые быстро сформировали Добровольческий батальон в 500 штыков. Во главе всех воинских формирований в Томске встал подполковник А. Н. Пепеляев, один из будущих колчаковских военачальников.

После этого успеха Гайда поспешил подать помощь эшелону капитана Кадлеца, который вел тяжелый бой в Мариинске с красногвардейцами шахтерского Анжеро-Судженска. В ночь на 1 июня туда, восстановив подорванное железнодорожное полотно, прорвался эшелон поручика Гусарека. Легионеры по пути заняли ряд станций.

Организацией борьбы против группировки капитана Гайды занимался Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь), который обладал властью восточнее Ново-Николаевска. Будучи отрезан от Москвы, он предложил легионерам перемирие. Гайда, не веря в искренность такого желания, все же пошел на перемирие до 16 июня. За это время его легионеры успели занять Барнаул, а потом Бийск и Семипалатинск.

От Челябинской группы к Гайде шла помощь. Под Омском на станции Марьяновка произошел бой с местными красногвардейцами и в тот же день, 7 июня, город был занят с помощью местной организации Белого дела. Вскоре здесь было сформировано Временное Сибирское правительство, и Омск стал столицей белой Сибири. Гайда же соединился с «челябинцами» (эшелоном поручика Сырового) на станции Татарской.

В освобожденных легионерами районах власть могла быть только Белого движения. Омское правительство из добровольцев быстро формирует два корпуса: 1-й Средне-Сибирский подполковника А. Н. Пепеляева и 2-й Степной Сибирский полковника П. П. Иванова-Ринова. Первый из этих корпусов предназначался для действий вместе с войсками Гайды. Пепеляев имел четыре полка (пока по 300–400 штыков при нескольких пулеметах) белых добровольцев из Томска, два – из Ново-Николаевска, по одному из Барнаула и Красноярска. Корпусную артиллерию составляли 8 орудий – одна батарея.

Капитан Радола Гайда стал принимать политические решения. 21 июня он объявил по всем лагерям военнопленных, которых было немало в «его» зоне Транссиба, мобилизацию чехов и словаков в состав корпуса армии Французской республики. Призыв нашел желаемый отклик у военнопленных-славян, которые в Сибири работали под конвоем большей частью на лесоповале. Все горели естественным желанием побыстрее вернуться на родину.

С этого времени можно утвердительно сказать, что Чешско-Словацкий корпус занял свое историческое место в истории Гражданской войны в России. Он уже не мог просто так «укатить» во Владивосток по Транссибирской железнодорожной магистрали, на многих участках которой уже действовали красные партизанские отряды и отряды местных большевистских Советов. Но накал вооруженного противостояния был еще впереди.

Если приказ Троцкого спровоцировал «мятеж Чехословацкого корпуса», то тот же «мятеж» сдетонировал всплеск Гражданской войны в Сибири, на Урале и в Поволжье. Такова была проза ее истории. Исследователи по сей день пытаются разобраться, кто был прав, а кто виноват в событиях конца весны – начала лета 1918 года в Сибири. Имя же белочеха Гайды в таких дискуссиях мелькает непременно.

Вечером 15 июня перемирие с Центросибирью закончилось. Возобновлять его стороны не пытались. Утром следующего дня у Мариинска капитан Гайда лично возглавил удар во фланг и тыл противника, и красные бежали к Красноярску, к которому с востока от

Канска подходили ударники подполковника Ушакова. Гайда, используя импровизированный бронепоезд, повел наступление на город, местный Совет на пароходах поспешно оставил Красноярск, и он 20 июня оказался в руках легионеров.

Центросибирь, собрав до 5 тысяч войск, попытался отбить Нижнеудинск у белочехов и пепеляевцев. Трехдневный бой советские отряды проиграли и отступили к Верхнеудинску, взрывая за собой полотно железной дороги и мосты. Белые по пути наступления их то и дело чинили и потому догнать противника не могли.

Наступление вдоль железной дороги к Байкалу продолжалось. Центросибирь со своими отрядами перебрался в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ, Бурятия). Белые не позволили отступающему противнику подорвать 38 туннелей Круто-Байкальской магистрали, но красные сумели взорвать восточный выход последнего туннеля – № 39. Теперь они на какое-то время «оторвались» от преследователей и могли собраться с силами.

11 июля войска группы Гайды (белочехи и корпус Пепеляева) вошли в Иркутск. По решению Омского правительства они были объединены в Восточный фронт, командующим которого был назначен Радола Гайда, произведенный по такому случаю ЧСНС в полковники.

Пока белые две недели занимались восстановлением подорванного туннеля, который был «пройден» сибиряками-пепеляевцами по горным тропам. За это время красные смогли пополнить свои силы тысячью интернационалистами мадьярами и немцами, которые согласились «добровольно» вступить в их ряды под дулами пулеметов отряда анархиста Лаврова. Получили артиллерийское вооружение самые большие суда на озере Байкал – железнодорожный паром «Байкал» и ледокол «Ангара». С фронта против атамана Семенова была снята часть войск, переброшенных на запад Забайкалья. 29 июля ударная группировка Центросибири перешла в наступление.

Гайда и Пепеляев смогли заманить противника в приготовленный для него «мешок». Четыре полка белых сибиряков составили засаду у станции Салзан и в тылу красных взорвали железнодорожное полотно. Те повернули назад и в яростных атаках попытались прорваться обратно в Забайкалье. Тем временем подошедшие чехи атаковали с фронта.

Победа войск полковника Гайды была полной: до двух с половиной тысяч человек взято в плен, трофеями стало 2 бронепоезда, 4 орудия, 15 пулеметов. На полотне железной дороги, которая стала ареной жестокого боя, было подобрано до 700 убитых. Общие потери белых убитыми и ранеными составили чуть более 300 человек.

Когда туннель № 39 был восстановлен, белый Восточный фронт переместился на территорию Забайкалья. При этом Гайда провел десантную операцию, высадив на восточный берег Байкала у деревни Посольская с прогулочных пароходов «Бурят», «Феодосия» и «Сибиряк» отряд силой в 1075 штыков, 75 сабель и 6 орудий. Командовал отрядом начальник штаба Гайды подполковник Ушаков, который погиб в бою у станции Мысовой, где находился штаб и тылы красного Забайкальского фронта.

Эта десантная операция в военной истории примечательна тем, что на озере, у его южных берегов, произошел артиллерийский бой между двумя флотилиями, который закончился тем, что от попадания снаряда с парохода «Сибиряк» загорелся и выгорел дотла железнодорожный паром «Байкал».

18 августа белые с боя захватили станцию Мысовая. Здесь они захватили 59 поездов и взяли несколько тысяч пленных. Белые потеряли убитыми и ранеными более 400 человек. Когда Гайда увидел дико изуродованное тело подполковника Ушакова, своего близкого друга, он приказал расстрелять партию пленных интернационалистов-мадьяр.

Белый Восточный фронт продолжил наступление. 26 августа была взята Чита. 19-го у станции Оловянная состоялась встреча с конными разъездами атамана Семенова. 2 сентября решением ЧСНС Гайда производится в чин генерал-майора. Фронтовая Георгиевская дума

за успешное руководство войсками в проведенных боях представляет его к награждению орденом Святого Георгия 3-й степени.

После этого командующий белыми войсками в Сибири Гайда посетил с инспекционной поездкой Владивосток, где 26-летний «баловень судьбы» 18-го года «сумел» перессориться с японцами, атаманом Семеновым и прочим начальством Приморья и Маньчжурии. Во избежание дальнейших осложнений ЧСНС и Омское правительство отозвало новоиспеченного генерала на запад. Во Владивостоке состоялось знакомство Гайды с прибывшим туда после посещения Японии адмиралом А. В. Колчаком. И тот, и другой мыслили одинаково: столице белой Сибири был нужен военный диктатор. Гайда, владевший ситуацией, об этом высказался сразу.

Прибыв в Екатеринбург, Гайда 12 сентября 1918 года вступает в командование Екатеринбургской группой войск (ранее называлась Северо-Уральским фронтом). Она состояла из русских войск из местных добровольческих и повстанческих отрядов и частей Чешско-Словацкого корпуса. Группировке противостояла советская 3-я армия М. М. Лашевича, уже оправившаяся от последних поражений и пополненная резервами. К тому времени Троцкий жестокими мерами наводил порядок на Восточном фронте, объявленном главнейшим среди других.

Один из современников оставил словесный портрет генерал-майора Радолы Гайды той поры: «Очень молодое длинное лицо, похожее на маску, почти бесцветные глаза с твердым выражением крупной, хищной воли и две глубоких, упрямых складки со стороны большого рта. Форма русского генерала, только без погон, снятых в угоду чешским политиканам. Голос его тихий, размеренный, почти нежный, но с упрямыми нотками и с легким акцентом; короткие отрывистые фразы с неправильными русскими оборотами».

К тому времени Гайда имел в Белом движении громкую славу «Освободителя Сибири», рвавшегося к новым победам в Гражданской войне в России. Когда 18 ноября 1918 года в Омске произошел военный переворот в пользу адмирала А. В. Колчака, Гайда был готов его приветствовать. Перед этим Колчак, тогда военный министр Омского правительства, посетил его фронтовой штаб, и они о многом смогли переговорить наедине.

С распадом Австро-Венгрии ее чешские области и Словакия образовали Чехословацкую республику, провозглашенную 14 ноября 1918 года. Ее первым президентом стал философ Томаш Масарик, занимавший этот пост до 1935 года и являвшийся руководителем Чешской народной, затем Прогрессистской (реалистической) партии. Чешско-Словацкий корпус должен был стать основой армии новообразованного государства в центре Европы.

Сразу после военного переворота в Омске положение Гайды сильно пошатнулось. Прибывший в Сибирь военный министр только-только образованной Чешско-Словацкой Республики генерал М. Штефанек без труда увидел пропасть во взаимоотношениях новоявленного колчаковского генерала и ЧСНС, который начал прибирать к своим рукам власть в Чешско-Словацком корпусе. Конфликт разрешил адмирал Колчак, который добился перевода Гайды в русскую армию. В противном случае тому грозила «служебная командировка» в Париж и расставание с белой Россией.

Гайда на первых порах оправдал надежды Верховного правителя России. Он задумал провести на северном участке советского Восточного фронта глубокую Пермскую наступательную операцию. Она началась 27 ноября, после прибытия 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-майора Пепеляева. От корпуса белочехов в операции участвовала 2-я дивизия. Были взяты города Кунгур и Кушва, а 7 января нового, 1919 года – пала Пермь. Наступление велось в морозную погоду, при глубоких снегах. Часть белой пехоты имела лыжи.

Победа белого оружия получилась действительно громкая и значимая. Только в одной Перми было взято: 21 тысяча пленных, 5 тысяч железнодорожных вагонов, 60 орудий, больше сотни пулеметов, несколько бронепоездов и вмерзшие в речной лед у городской при-

стани корабли красной Камской флотилии. Советская 3-я армия была разбита. Пепеляевский корпус, главный герой Пермской виктории, потерял убитыми, ранеными и обмороженными 494 офицера и до пяти тысяч нижних чинов.

Красные попытались отбить город. Весь январь и февраль на северном участке Восточного фронта шли ожесточенные, но безрезультатные бои. Под Пермью куда стягивались резервы со всей Республики Советов, порядок в советской 3-й армии был восстановлен самыми крутыми мерами прибывшей из Москвы комиссии ЦК РКП(б) во главе со Сталиным и Дзержинским. Результатом ее работы стала стабилизация фронта.

Екатеринбургская группа при реорганизации колчаковских вооруженных сил в конце 1918 года была переименована в Сибирскую армию. Ее командующим с производством в чин генерал-лейтенанта за победу под Пермью назначается Радола Гайда.

В первых числах марта, когда земля была еще в снегах, Сибирская армия вновь перешла в наступление против 2-й и 3-й армий противника. Занимаются города Воткинск и Ижевск (где в начале Гражданской войны рабочие подняли восстание против советской власти, уже подавленное), Сарапул и Елабуга. Были взяты тысячи пленных и огромные трофеи. На северном участке белые сибиряки встретились с отрядом войск северян генерала Миллера. Атакующие действия белых прекратились после наступления весенней распутицы и половодья на реках.

Перед новым наступлением колчаковских армий оперативное командование Красной Армии «переиграло» своих коллег из белого стана в лице штаба Верховного главнокомандующего и его начальника генерала Д. А. Лебедева. Об адмирале А. В. Колчаке говорить здесь не приходится, поскольку талантом стратегического мышления на сухопутном фронте он не обладал, да и командовать им он не стремился.

При планировании новых наступательных операций сказались разногласия и личные амбиции командующих двух армий – Сибирской Гайды и Западной генерал-лейтенанта М. В. Ханжина. Ни тот, ни другой никак не хотели координировать свои действия и в чем-то не только помогать друг другу, но и страховать фланг соседа. В итоге получилось, что огромный пространственный разрыв между Камой и Верхне-Бугульминской железной дорогой занимал один-единственный 32-й Прикамский полк.

Разведка красных и их штабисты, среди которых было немало выпускников старой Академии Генерального штаба, умело спланировали наступление ударной группировки под командованием М. В. Фрунзе по левому, откровенно слабому флангу белой Западной армии. Именно там начался гибельный для Белой Сибири прорыв колчаковского фронта и последующий его крах.

Сибирская армия теперь должна была наступать по двум направлениям – на Вятку (войска Пепеляева) и на Казань (войска генерала Вержбицкого). Армия Гайды в ходе наступления совместно с Западной армией должна была выйти на линию Волги. К тому времени самолюбивый Радола Гайда уже чувствовал себя большим, самостоятельным полководцем. Личный конвой его теперь назывался Бессмертным батальоном имени генерала Гайды и, как в русской императорской армии, его чины носили на погонах вензель «ББИГГ».

Новое наступление Сибирская армия начала успешно. Самонадеянный Гайда главные силы сибиряков после взятия Глазова нацелил на Вятку, тогда как участок по реке Каме оказался не обеспечен надежным прикрытием. Более того, в ходе отступления Западной армии левый фланг Сибирской армии оказался открытым.

Этим воспользовался красный командарм В. И. Шорин: его 2-я армия нанесла сильный контрудар и отбила Сарапул, Ижевск и Воткинск. У Гайды же для парирования контрнаступления противника резервов почти не имелось. Западная армия генерала Ханжина помощи подать не могла. Белые сибиряки начали отход к Перми. Вместе с Ижевской бригадой и Вот-

кинской дивизией на восток уходили десятки тысяч беженцев. Общее отступление колчаковского фронта захлестнуло Сибирскую армию.

Гайда вступает в конфликт с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Д. А. Лебедевым, который нередко отдавал приказы по Сибирской армии через голову ее командующего, что на войне было недопустимо. Гайда ультимативно требовал снять Лебедева с должности. Адмиралу Колчаку пришлось лично прибыть в Пермь, чтобы уладить конфликт, но поездка в итоге оказалась неудачной.

В столичном Омске утвердились в необходимости снять белочеха с командования армией, но Верховный правитель России колебался. Фронт же трещал по швам, переместившись из Приволжья на Урал. Наступающие красные войска вернули себе Пермь и нацелились на Екатеринбург. Но для Белого дела это была еще не катастрофа.

Решающее объяснение Гайды с адмиралом Колчаком произошло 19 июня, во время очередного приезда генерала в Омск. 20 июня Сибирская и Западная армия подчиняются генералу М. К. Дитерихсу. 7 июля Колчак прибыл в Екатеринбург, где и состоялась последняя встреча Гайды с Верховным правителем России.

В конце бурного разговора Верховный правитель России А. В. Колчак сказал: «Можете спокойно уезжать. Я ничего против вас не имею и ни в чем вас не обвиняю». Вечером 9 июля 1919 года генерал-лейтенант Радола Гайда сдал командование Сибирской армией Дитерихсу и с чешской частью своего личного конвоя и с личным штабом отправился через всю Сибирь во Владивосток, чтобы оттуда морем отбыть в Европу. Его не отговаривали от такого поступка.

Приказ адмирала А. В. Колчака о снятии опального генерала с должности командующего Сибирской армией последовал 10 июля. Одновременно Радола Гайда был вычеркнут из списочного состава Русской армии. Генеральского чина он еще не лишался, да и в окружении Колчака такой вопрос не ставился.

Гайда прибыл во Владивосток на личном поезде 12 августа. Здесь он отказался от мысли немедленно покинуть пределы России и стал… готовить заговор против Колчака. Вернее, принял участие в антиколчаковском заговоре, который готовил тайный эсеровский «Комитет по созыву Земского собора». Чешским гарнизоном Владивостока командовал генерал Чечек, который обещал заговорщикам полное содействие, выдать винтовки и патроны. Согласилась участвовать в вооруженном восстании и городская подпольная большевистская организация. Войска интервентов были склонны держаться в назревающих событиях вооруженного нейтралитета.

Готовящийся заговор не стал секретом для правителя Омска: он отдал приказ о лишении Гайды чина генерал-лейтенанта Русской армии и всех наград. Большего в той ситуации адмирал Колчак сделать не мог, поскольку его власть в Приморье виделась номинальной. Было ясно, что Гайда и его эсеровские соратники решили взять власть во Владивостоке, чтобы затем распространить ее дальше, на Сибирь. В любом толковании предстоящего события дело смотрелось откровенной авантюрой.

Восстание началось утром 17 ноября. У Гайды (по его словам) было 700 человек, в том числе 45 офицеров при семи пулеметах. Чехов среди них оказалось немного, а основу «мятежных» войск составляли портовые грузчики, моряки и «портовая чернь». Силы колчаковцев первоначально состояли из 26 офицеров и 280 юнкеров Учебно-инструкторской школы на острове Русский при 6 пулеметах, которыми командовал полковник Рубца-Мосальский. Начальник колчаковского гарнизона Владивостока генерал Розанов в события не вмешивался: в служебном кабинете он не подходил к телефонному аппарату.

Японцы усиленными патрулями заняли центральные улицы города и не позволили генералу Чечеку и американцам подать помощь Гайде. Нейтральной оказалась и команда стоявшего у железнодорожного вокзала бронепоезда «Калмыковец» из сил атамана амур-

ских казаков И. П. Калмыкова. В итоге все военные события развивались только в черте привокзальной площади.

Войско Гайды после 4-часового боя выбило юнкеров из вокзала. Тогда те укрепились на противоположной стороне привокзальной площади в зданиях штаба Владивостокской крепости и окружного суда. К вечеру силы Омского правительства получили поддержку: прибыли новые отряды юнкеров и гардемаринов из Морского училища, подошедшие миноносцы стали обстреливать вокзал, в котором укрылись мятежники. Вскоре «пришедший в себя» генерал Розанов предъявил Гайде ультиматум, обещая ему беспрепятственное право выезда за границу.

К чести Радолы Гайды, он не бросил своих людей, то есть повстанцев из числа горожан. Он все еще надеялся на помощь войск Чечека и американцев. Но японцы были готовы пойти на крайние меры, чтобы не допустить уличных боев в «их» Владивостоке. С наступлением темноты стоявший в бухте Золотой Рог броненосец «Микаса» стал освещать здание вокзала своими мощными прожекторами.

Под утро 18 ноября у юнкеров на противоположной стороне привокзальной площади появилась пушка, которая в 4 часа утра открыла пальбу по вокзалу. Юнкера поднялись в атаку и ворвались в здание вокзала, из которого толпа мятежников в панике бросилась бежать по железнодорожным путям… прямо на стоящий бронепоезд «Калмыковец», которому на день раньше люди Гайды отрезали путь из города, подорвав рельсы. Казаки, решив, что их атакуют, открыли пулеметный огонь.

Мятежники потеряли убитыми и ранеными более 300 человек. Раненный в ногу Гайда так и не добрался до спасительного чешского штаба. Юнкера взяли его в плен и сорвали с его мундира генерал-лейтенантские погоны. В ходе закулисных переговоров союзников по Антанте Гайде пришлось отплыть из Владивостока на первом же пароходе в сопровождении второй жены. Она была русской, и ее звали Екатерина.

11 февраля 1920 года изгнанник из России оказался на чешской земле, будучи там хорошо известен. В независимой Чехословакии боевой генерал Радола Гайда, обладатель многих орденских наград не потерялся. Он был принят в ряды национальной армии, снова, как в белой Сибири, продемонстрировав стремительный карьерный рост.

На первых порах президент Томаш Масарик не знал, что с ним делать. Но потом решил дать Гайде образование, которого у того не было, послав в Парижскую высшую военную школу. В октябре 1922 года выучившийся Радола Гайда получает в командование дивизию и в следующем месяце получает чин дивизионного генерала. Он становится популярным человеком в чешских националистических кругах. В 1924–1926 годах генерал Гайда занимал должность заместителя начальника Генерального штаба чехословацкой армии, став его начальником в 1926-м.

Военный человек крайне правых взглядов, став во главе Генштаба армии Чехословакии, явно преувеличил собственную популярность в армейских рядах. В том же 26-м году он попытался совершить государственный переворот (или создать его видимость), но эта попытка успеха не имела. Гайда президентом Масариком был изгнан со службы и в 1928 году разжалован в рядовые запаса.

Но перед этим он успел стать лидером «Национальной Фашистской Общины» и год побыть в ранге депутата парламента от Народной Лиги (блока правых партий), после чего палата депутатов в ноябре 1930 года лишила Радолу Гайду мандата, а Высший административный суд подтвердил это решение. Его снимают с воинского учета и перестают выплачивать пенсию. Зимой 1932 года ему пришлось отсидеть два месяца в тюрьме за доказанное неучастие в краже его секретного личного дела из Министерства национальной обороны.

Президент Томаш Масарик лично «усилил давление» на бывшего генерала двух армий – белой России и новообразованной Чехословацкой республики. В ночь на 23 января 1933

года группа из 80 чешских фашистов напала на военную казарму в городе Брно. Гайда не был причастен к этому делу, но его снова арестовали, отдали под суд и в августе 1934 года его приговорили к шести месяцам тюрьмы.

В советских энциклопедиях писалось, что с первых дней оккупации Чехословакии германскими войсками Радола Гайда сотрудничал с гитлеровцами с 1939 по 1945 год и что был казнен в 1948 году по приговору чешского народного трибунала (или народного суда) как государственный преступник. Но в действительности дело обстояло совсем не так.

Гайда не стал сторонником Гитлера и коллаборационистом, хотя и был чешским фашистом. Во время Мюнхенского кризиса, когда Германия потребовала от Чехословакии отдать ей Судетскую область, а потом оккупировала саму страну, Гайда был одним из тех, кто призвал к вооруженному сопротивлению агрессору. С этим призывом он выступил перед многотысячным митингом с балкона Пражского университета и в знак протеста вернул правительству Великобритании орден Бани, которым был награжден за участие в Гражданской войне в России.

После Мюнхена Республика Чехословакия существовала недолго. Радоле Гайде вернули чин дивизионного генерала и пенсию. После раздела Чехословакии и образования «Протектората Богемия и Моравия» Гайда ушел в частную жизнь. Два его сына, носившие русские имена Владимир и Юрий, участвовали в движении Сопротивления.

Сразу после окончания Второй мировой войны о «фашисте, коллаборационисте и белогвардейском генерале» Радоле Гайде вспомнили органы безопасности «народной» Чехословакии и советская военная контрразведка СМЕРШ. 12 мая 1945 года он был арестован и пробыл под следствием почти два года. В 1947 году генерал Гайда, уже неизлечимо больной человек, был осужден на два года лишения свободы. С учетом предварительного заключения третий для него тюремный срок не превышал недели. В следующем году «Освободитель Сибири» ушел из жизни своей смертью в Праге.

Деникин Антон Иванович
Верховный правитель России в «белых перчатках»

Антон Иванович Деникин родился в семье бывшего крепостного крестьянина Саратовской губернии, отданного помещиком в солдаты и участвовавшего в трех военных кампаниях: Венгерской, Крымской и Польской. Деникин-старший в возрасте 49 лет (!) дослужился до первого офицерского чина – армейского прапорщика, затем стал российским пограничником (стражником) в Царстве Польском, выйдя в отставку в 62 года и оставшись жить по месту службы. В 64 года Иван Ефимович женился на 28-летней польке Елизавете Вржесинской из обедневшей семьи шляхтича.

Там, в пригороде Влоцлавска Варшавской губернии, у отставного майора в 1872 году родился сын Антон. В 12 лет он остался без отца, и матери с большим трудом удалось дать ему образование в полном объеме реального училища. Чтобы помочь матери, Антон, учившийся с отличием, подрабатывал репетиторством. Исповедовал православие.

После окончания механико-математического отделения Ловичского реального училища Антон Деникин сперва поступил вольноопределяющимся в 1-й стрелковый полк (стоявший в Полоцке), а осенью 1890 года – в Киевское пехотное юнкерское училище, которое закончил через два года. Потом он скажет: «Я избрал военную карьеру».

Офицерскую службу начал в чине подпоручика артиллерийской бригады, расквартированной в городе Беле Седлецкой губернии, в 160 верстах от Варшавы. Много занимался самообразованием, писал очерки в популярный военный журнал «Разведчик». О своих политических воззрениях поры офицерской молодости А. И. Деникин писал так:

«Я никогда не сочувствовал ни народничеству с терроризмом и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму с его превалированием материальных ценностей над духовным и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм… не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии».

В 1895 году Деникин поступил в Академию Генерального штаба, но учился в ней на удивление плохо, оказавшись последним в выпуске, кто имел право на зачисление в корпус офицеров Генерального штаба. Но капитан Деникин зачисления не получил «за характер». Такое объяснение императору Николаю II дал военный министр А. Н. Куропаткин.

Но все же А. И. Деникин станет офицером-генштабистом, будучи причислен к корпусу позднее, в 1902 году. Причем это было сделано по решению того же Куропаткина, к которому армейский офицер обратился с частным письмом. Это открывало ему новые возможности карьерного роста при успешном прохождении службы и отличиях на войне.

После академии командовал ротой, батальоном, служил в штабах пехотной и кавалерийской дивизий. Публиковался под псевдонимом И. Ночин на страницах военных журналов «Разведчик» и «Варшавский дневник». Статьи были военно-политического содержания, рассказы – об армейском быте.

В начале Русско-японской войны 1904–1905 годов Деникин с третьего рапорта по команде добился перевода на Дальний Восток. Был назначен в Заамурский округ пограничной стражи, получив там производство в подполковники. Вскоре ему доверили место раненого начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии.

Боевое крещение получил под Цинчехеном, самостоятельно командуя дивизионным авангардом. Участвовал в конном рейде генерала Мищенко по японским тылам. На топографических картах войны в Маньчжурии появилась отметка «Деникинская сопка». Показал себя деятельным и командиром, и оперативником-штабистом.

За отличие в боях с японцами досрочно был произведен в полковники (войну начал капитаном) и назначен начальником штаба Уральско-Забайкальской казачьей дивизии. За боевые отличия награждается тремя орденами. Возвращение из Маньчжурии было для него тягостным: повсюду в России в 1905 году виделись хаос и безвластие, то там, то здесь случались «солдатские бунты».

После Японской войны полковник Генерального штаба А. И. Деникин занимал должности начальника штаба резервной бригады в Саратове, командира 17-го пехотного Архангелогородского полка, расквартированного в городе Житомире. В начале 1914 года следует производство в генерал-майоры и назначение в штаб Киевского военного округа.

Первую мировую войну 1914–1918 годов встретил в должности генерал-квартирмейстера, то есть начальника оперативной службы, при командующем 8-й армией генерале от кавалерии А. А. Брусилове. Вскоре он по собственному желанию перевелся из штаба в действующие части, получив в командование 4-ю стрелковую бригаду, больше известную в русской армии под названием «Железной» бригады. Это название она получила за героизм, проявленный в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов при освобождении Болгарии от османского ига.

Деникин вспоминал: «Штабная работа меня не удовлетворяла. Составление директив, диспозиций и нудной, хотя и важной штабной технике я предпочитал прямое участие в боевой работе, с ее глубокими переживаниями и захватывающими опасностями».

Во время наступления в Галиции деникинские «железные» стрелки не раз отличались в делах против австро-венгров, сумев пробиться в заснеженные Карпаты. До самой весны 1915 года там шли упорные и кровопролитные бои, за которые генерал-майор А. И. Деникин удостоился почетного Георгиевского оружия (за бои на реке Гнилая Липа) и боевых орденов Святого Георгия 4-й (за бой у города Самбор) и 3-й (за бои на реке Сан) степеней. Эти фронтовые награды лучше всего свидетельствовали о его способностях как военачальника.

Три георгиевские награды за один год мировой войны впечатляли. Это было не только подтверждение несомненных полководческих способностей Деникина, но и своеобразным рекордом на фронтах мировой войны. Его имя получило известность в рядах русской армии, в ее офицерском составе.

Командующий армией А. А. Брусилов, посетив позиции «Железной» бригады в Карпатах, сказал ее командиру: «Благодарю вас за блестящие действия бригады. В предстоящей важной задаче, данной бригаде, рассчитываю на вас, как на каменную гору». Вскоре бригада была развернута в полноценную дивизию, которая по преемственности сохранила за собой название «Железной».

Во время боевых действий в Карпатах фронтовым соседом «железных» стрелков была дивизия, которой командовал генерал Л. Г. Корнилов, будущий соратник Деникина по Белому движению на Юге России. Тогда состоялось знакомство и с будущим донским атаманом генералом А. М. Калединым. О тех боях в Карпатских горах Антон Иванович писал следующее:

«Весна 1915 г. останется у меня в памяти навсегда. Тяжелые кровопролитные бои, ни патронов, ни снарядов. Немецкая тяжелая артиллерия буквально срывает окопы, хороня в них русских солдат, а ответить ей нечем…

Я видел, как редели полки моих стрелков, и испытывал отчаяние и сознание нелепой беспомощности…»

Генерал-лейтенантом Антон Иванович Деникин стал в 43 года за взятие его «Железной» дивизией важного в стратегическом отношении города Луцка, прифронтового железнодорожного узла. В той наступательной операции его стрелки прорвали шесть линий вражеской обороны, и в Луцк ворвались «на плечах отступавшего неприятеля».

Под Чарторыйском его дивизия разбила немецкую 1-ю восточнопрусскую пехотную дивизию и взяла в плен отборный 1-й гренадерский полк кронпринца. Всего было пленено около 6 тысяч германцев, в качестве трофеев взято 9 орудий и 40 пулеметов.

В ходе знаменитого наступления Юго-Западного фронта, вошедшего в мировую военную историю под названием Брусиловского прорыва, деникинская «Железная» дивизия повторно ворвалась в город Луцк. На подступах к нему атакующим русским стрелкам противостояла немецкая «Стальная» 20-я пехотная дивизия.

«Особенно жестокое побоище разыгралось у Загурцев… где брауншвейгская стальная 20-я пехотная дивизия была сокрушена нашей Железной 4-й стрелковой дивизией генерала Деникина», – писал об этих боях один из историков. К этому можно добавить, что брауншвейгцы провели под Луцком против «железных» стрелков сорок четыре атаки, которые не дали им желаемого результата.

За новое взятие города Луцка Антон Иванович Деникин жалуется крайне редкой наградой в годы Первой мировой войны – Георгиевским оружием, «бриллиантами украшенном», с надписью: «За бои с 22 по 31 мая 1916 года». Высочайший наградной указ был подписан полковником Николаем II Романовым в сентябре 16-го года.

В октябре 1916 года генерал-лейтенант А. И. Деникин назначается командиром 8-го армейского корпуса, который в конце года в составе 9-й армии перебрасывается на Румынский фронт, где шли жестокие бои. Так латались «дыры» на этом новом фронте, на котором армии – союзницы России терпели одно поражение за другим. Только после Нового года Румынский фронт застыл в снегах суровой зимы.

К тому времени Деникин уже снискал себе на Русском фронте славу талантливого и перспективного военачальника, авторитетного во вверенных ему войсках. Приказы его отличались краткостью, точностью и ясностью. Один из его современников писал:

«Не было ни одной операции, которой он не выиграл бы блестяще, не было ни одного боя, который он не выиграл бы…

Не было случая, чтобы генерал Деникин сказал, что его войска устали, или чтобы он просил помочь ему резервами…

Он был всегда спокоен во время боев и всегда лично был там, где обстановка требовала его присутствия, его любили и офицеры, и солдаты…»

Февральскую революцию и отречение императора Николая II Романова от престола генерал Деникин встретил на Румынском фронте. Когда генерал от инфантерии М. В. Алексеев был назначен Верховным главнокомандующим России, Деникин по рекомендации нового военного министра Гучкова и решению Временного правительства стал сперва помощником начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего, а вскоре и начальником штаба могилевской Ставки (апрель – май 1917 года).

Затем генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин последовательно занимал должности главнокомандующего армиями Западного и Юго-Западного фронтов. Причиной его ухода с поста начальника штаба Ставки стала резкая речь на закрытии съезда Союза офицеров, которая вызвала большое неудовольствие у Временного правительства. Тогда боевой генерал и георгиевский кавалер сказал с трибуны среди прочего и такие слова:

«Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. От века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности, и сменить его сможет только смерть».

Известность получили и слова, сказанные А. И. Деникиным по прибытии его в Минск, где располагался штаб Западного фронта: «Революционизирование армии и внесение в нее демагогии считаю гибельным для страны. И против этого буду бороться по мере сил и возможности, к чему приглашаю и всех своих сотрудников».

После провала июльского наступления он открыто обвинил Временное правительство и его премьера А. Ф. Керенского в развале русской армии. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант А. И. Деникин становится открытым сторонником Верховного главнокомандующего Корнилова, за что комиссары Керенского и солдатские комитеты называли его «врагом демократии».

Став деятельным участником так называемого Корниловского мятежа, закончившегося логической неудачей, Деникин вместе с группой верных Корнилову офицеров и генералов был арестован и заключен в тюрьму (здание бывшей женской гимназии) города Быхова, где после окончания, по сути дела, «оправдательного» следствия ожидал суда.

Из Быхова А. И. Деникин бежал ночью 19 ноября в гражданском костюме и с документами на имя помощника заведующего 73-м перевязочным пунктом польского корпуса Александра Домбровского. В Харькове на вокзале случайно встретил такого же беглеца генерала Романовского, с которым и продолжил путь на Дон, соблюдая правила конспирации.

Октябрь 17-го года круто изменил судьбу России, Русского фронта и людей военных. Деникин в числе других «быховских узников» прибывает в столицу войска Донского город Новочеркасск, где двумя Верховными главнокомандующими России в Первой мировой войне – генералами от инфантерии М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым (при поддержке донского атамана А. М. Каледина) шло формирование белой Добровольческой армии. Он сразу же входит в состав ее командования.

В декабре 1917 года его избирают членом Донского гражданского совета (Донского правительства), который, по мысли Деникина, должен был стать «первым общерусским антибольшевистским правительством».

7 января 1918 года Антон Иванович в 45 лет в одной из новочеркасских церквей обвенчался с Ксенией Васильевной Чиж, дочерью одного из своих бывших сослуживцев, окончившей Институт благородных девиц и готовившейся стать учительницей. Супруги до конца своих семейных лет жили счастливо, в полном взаимопонимании. Биограф писал: «Так началась семейная жизнь генерала Деникина. Как и убогая свадьба его, она прошла в бедности».

В Белой армии первоначально генерал-лейтенант А. И. Деникин был назначен начальником Добровольческой дивизии, но после реорганизации белогвардейских войск его перевели на должность помощника командующего армией. Он участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе, деля вместе с рядовыми белыми воинами все его тяготы, лишения и опасности. За 80 дней похода корниловцы провели 44 боя и потеряли половину своего состава.

После гибели генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова при неудачном штурме кубанской столицы города Екатеринодара Антон Иванович Деникин становится командующим Добровольческой армией (другой кандидатуры не называлось), а в сентябре того же 1918 года – ее главнокомандующим.

Первым приказом нового командующего Добровольческой армией стал приказ об отводе войск от Екатеринодара обратно на Дон с одной-единственной целью – сохранить личный состав армии для грядущих боев. До минимума был сокращен обоз, Из артиллерии оставили четыре орудия, остальные бросили, приведя их в негодность: снарядов оставался самый минимум.

Деникин потом напишет: «Мы уходили. За нами следом шло безумие». Армии было приказано делать в сутки переход до 60 верст. Добровольцы торопились возвратиться туда, откуда они вышли. Там, в Области войска Донского, местное казачество, поднявшееся на восстание против советской власти, пополнило ряды войск Белого дела.

С германцами, временно занявшими город Ростов-на-Дону, генерал-лейтенант Деникин установил отношения, которые сам называл «вооруженным нейтралитетом», поскольку принципиально осуждал всякую иностранную интервенцию против Российского государ-

ства. Германское командование со своей стороны тоже старалось не обострять отношения с белыми добровольцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.